

Евангелие от Лазаря

ДЕЯНИЯ СОРОКА АПОСТОЛОВ

Вячеслав Васильев

18+

Вячеслав Васильев
Евангелие от Лазаря.
Деяния сорока апостолов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38274448

SelfPub; 2019

Аннотация

История – трагедия. Где преданность идеалам идёт об руку с предательством. Любовь на грани смерти и смерть на грани с помешательством. Долг и честь здесь могут значить много, а могут быть проданы за деньги. Где жизнь – это всего лишь чистилище перед смертью.

Глава 1. Закон и справедливость

Святой крест связи неожиданно ожил, нарушив праведную дрёму служителей порядка, так удобно устроившихся на сидениях служебного внедорожника.

– Во имя Господа Бога нашего Иисуса Христа. Группа браво два доложите обстановку! – раздался чуть сонный голос, по интонациям которого можно было понять, что его владелец привык повелевать.

Слегка заплывший жирком диакон Роланд громко всхрапнул, просыпаясь, встряхнул роскошными чёрными кудрями, так удачно сочетающимися по цвету с замызганной униформой. Толкнул в бок напарника – новичка уснувшего на первом же ночном дежурстве самым бессовестным образом, хотя получил от старшего по чину группы строгие указания не смыкать глаз и зорко следить за округой.

– Эй, жирдяй! Проснись! И ответь, как вас обучали.

Напарник спросонья протёр глаза, мощно зевнул и потянулся, упёршись рукой в крышу легковушки. И тут до него дошло, что он уснул не в мягкой постели родной семинарии, где проучился долгих пять лет, чтобы носить гордое звание служителя справедливости, а в патрульном автомобиле. Он тут же замер и медленно повернул голову в сторону старшего. В его взгляде читался страх, ведь его только что поймали с поличным. А это грозило очень серьёзным взысканием в виде епитимьи, которую обязательно на него наложит приор, блюститель ночного караула, если диакон его сдаст. А он

сдаст, чтобы новичку впредь неповадно было нарушать прямой приказ.

– Простите, диакон Роланд, – сказал он извиняющимся тоном. – Лукавый сомкнул веки мои, ибо в мыслях моих не было ничего подобного.

– Ага, – Роланд иронично усмехнулся, – знаю я вас, семинаристов драных. Лукавому, кому ж ещё захотелось послушать твой грозный храп, призванный разгонять ночных слушников?

Диакон протянул руку и отвесил затрещину напарнику, заставившую того испуганно съёжиться.

– Хрен с тобой, зелень. На первый раз прощаю, – сказал он важным тоном. – Но, чтобы впредь такого не было! – добавил он грозно.

– Благодарю вас за преподнесённый урок! – проговорил семинарист смиренно. – Если вам от меня что-нибудь требуется, только дайте знать!

Роланд устало покачал головой. Он вспомнил себя в то время, когда «выпустился» из семинарии. Было это восемь лет назад. Боже! Как же быстро летит время! Лучший на курсе, почётный стипендиат святого ордена недремлющих, пример для подражания... И «неистовый красавец», как называла его младшая наставница, совратившая молодого человека, уверенного в собственных силах и вере свидетелей второго пришествия. «Благодаря» их связи он находился сейчас в патрульной машине, занимая самую унижительную долж-

ность. А не сидел где-нибудь в светлых апартаментах главного управления веры за большим столом из красного дерева, в позолоченном кресле больше похожем на трон, служившим отличительным признаком занимаемой должности верховного епископа. Не решал сложную задачу выявления противоправных актов вольнодумия, так часто распространённых среди черни и настоящего бича всего законопослушного мира – приверженцев первого пришествия, если просто – еретиков. И не было у него в секретаршах послушницы-монашки с телом, как у Грейс, готовой в любую минуту удовлетворить любую прихоть высокопоставленного начальства. Вместо этого он должен был следить за этим жирным идиотом со взглядом блудливого, вечно голодного до обильной жратвы и страстных женщин, самца.

Ах, Грейс! В последнее время Роланд всё чаще предавался ностальгии, вспоминая моменты уединения с наставницей. Сейчас, пользуясь обширной базой данных, он мог бы в считанные часы выяснить, где она находится, но до сих пор этого не сделал. И это его страшило больше, чем наказание аббатского совета ночных дозорных.

Конечно, никто из почётного совета Иисуса Христа не стал бы обращать внимания, свяжись он с молоденькой монашкой-послушницей из соседней семинарии или мирской женщиной, будь та замужней или нет. Но, как назло, он невольно оказался соперником главы совета, крайне злопамятного плюгавого мужичонки пятидесяти лет, положивше-

го глаз на тридцатипятилетнюю наставницу младшего звена, роскошную фигуру которой не могла скрыть даже мешкообразная ряса. Ведь надо же было такому случиться, что это именно он застукал обнажённых любовников, уединившихся в одном из классов семинарии во время бала, посвящённого очередному выпуску. Дальнейшие дни молодой человек помнил сквозь чёрную пелену унижения и стыда. Разгневанный протоархимандрит надавил своим влиянием на решение почётного совета, заставив дать нелестную рекомендацию во все отделения управления веры региона. С тех пор карьерный рост выпускника не задался, а назначение главным группы ночного наблюдения можно было считать настоящим достижением всей жизни.

– Группа bravo два, доложите обстановку! – требовательный голос приора заставил вздрогнуть погрузившегося в воспоминания диакона Роланда.

Он взглянул на юношу и выразительно показал глазами на средство связи, стилизованное под святое распятие. Тот нервно закивал головой и схватился дрожащими руками за переговорное устройство.

– Да, да, диспетчер. Группа bravo два на связи, да благословит Господь эту прекрасную ночь! – скороговоркой выпалил он.

– Вы что там, уснули? – раздался разгневанный голос.

Юноша мгновенно вспотел, предчувствуя неминуемую беду, и хотел было покаяться во грехе, но Роланд вовремя за-

ткнул ему рот рукой. Он отобрал у новобранца рацию, прочистил горло и доложил спокойным голосом:

– Мы, служители ночного патруля, отучились спать по ночам, ваше святейшество.

– Тогда почему не ответили сразу на вызов? – стал допытываться говоривший на противоположном конце.

– Мы с братом Стратисом только что вернулись с обхода вверенного участка. Нам послышались подозрительные звуки в переулке покаяния и мы решили проверить всё ли там в порядке. Вы же знаете, как активировались ячейки неверных, именующие себя истинными последователями первого пришествия Христа?

От такой наглой лжи брат Стратис мелко затрясся и был готов упасть в обморок, испытывая непреодолимый страх за содеянный грех. Слыханное ли дело – лгать его святейшеству, под зорким присмотром которого было двадцать групп наблюдения? Если сей акт всплывёт на поверхность, то им не избежать прилюдного наказания розгами, смоченными в соляной кислоте. Роланд дал ему звонкую пощёчину, приводя парня в сознание. Диспетчер мгновение помолчал, переваривая услышанное.

– Ладно, – удосужился он наконец ответить. – Я рад, что святая церковь может на вас положиться, дозорный брат, – сказал он довольным голосом. – Еретики и вправду обнаглели, но мы всегда будем стоять на страже, как истинные сыны Его. Аминь!

– Аминь! – эхом отозвался Роланд.

Святое распятие пшикнуло в последний раз и заткнулось. Брат Стратис нервно одёрнул руку, заслонявшую рот и мешавшую дышать.

– Да как вы смеете столь грязным способом заслуживать доверие истинной церкви?! – возопил он гневно. – Нам следует немедленно покаяться его святейшеству и прочесть сто раз «Отче наш» в надежде на милость святого приора Гардена!

Роланд посмотрел на него с иронией. Этот зелёный юноша был столь же мягок умом, как и телом.

– Если ты горишь желанием в первое же дежурство навсегда перечеркнуть себе путь к красной рясе? То – пожалуйста! – он протянул ему крест. – Мне падать ниже некуда, разве что из ордена выкинут. Так я только буду рад. Но вместе со мной вылетишь и ты! – он ткнул пальцем в парня. – Давай! – Роланд сунул ему под нос крест. – Покайся!

Как утверждали белые и чёрные кардиналы святой церкви, около пятисот лет назад произошло грандиозное событие, повергшее в религиозный шок весь верующий в Иисуса Христа мир. Случилось второе пришествие Бога на грешную землю. Тут и там находились очевидцы, рассказывавшие чудесные деяния сына Божьего, не забывшего про свою паству, оставленную им на Агиларе более, чем на два с половиной тысячелетия. Вера в искупление грехов новой волной ока-

тила мир и в ряды свидетелей второго пришествия повалили верующие. Ряды их ширились с невероятной скоростью и пришёл момент, когда на стороне свидетелей оказалось столько народа, что они сумели свергнуть старую власть, возглавив собой новый мировой порядок. Отличительным признаком свидетелей стала красная ряса, призванная своим цветом доказать оставшемуся в неведении миру, что Христос имеет такую же красную кровь, что и обычные люди. А значит люди, живущие на Агиларе, являлись прямыми потомками Богов. К носителям красных одеяний приходили на покаяние, под их знамёна стремились вступить все, кто считал их рассказы настоящими. Однако, никому из живущих на планете, не было доподлинно известно, насколько история со вторым пришествием являлась правдоподобной. И имели ли место случаи проявления божественного вмешательства в жизнь людей. Тем не менее, «краснорясые» прочно закрепились на всех главенствующих местах общества, став его предводителями. Они перестроили управление на свой лад, назначив себе помощников, которые набрали помощников себе, которые набрали себе помощников и так далее. Вскоре управляющий аппарат святой церкви свидетелей второго пришествия разросся до такой степени, что не было ни одной мало мальски важной должности не занятой верующими во спасение. Многомиллионная машина последователей новой веры смяла под собой остатки приверженцев первого пришествия. Но даже спустя пятьсот лет борь-

бы с инакомыслящими, отголоски поклонников старой веры разносились затухающим эхом в укромных уголках обширной империи, поглотившей планету целиком. Святая церковь, в лице синода кардиналов, учредила дневной и ночной ордены, блюстителей справедливости, призванных следить за стабильностью. Выявлять и изолировать идейных подрывников нового порядка, вычислять уклоняющихся от мессы граждан и выбивать добровольные пожертвования из забывших поделиться с Богом «хлебом насущным». В общем, помогать ближнему своему везде и во всём.

В первом столетии после второго пришествия пролилось немало людской крови, как с одной, так и с другой стороны враждующих лагерей верующих, но новые кардиналы держали бразды правления железной хваткой, не собираясь сдавать свои позиции ни на миллиметр. Теперь миром правили они. Во всём ордене не было ни одного человека не мечтавшего заполучить красную рясу. Из десятков миллионов последователей праведной веры она доставалась только единицам. Истинно верующим. Настоящим фанатикам своего дела. Однако, сей святой атрибут не был доступен никому, кроме избранных, в чьи ряды нельзя было пробиться из «низов». Для того, чтобы стать «краснорясым» необходимо было появиться на свет при особых условиях и в особом месте. Но кардиналы всячески поддерживали веру «детей своих» в возможность стать избранным. Ибо, стремление стать на ступень выше, подстёгивало соискателей к служебному рве-

нию, беспрецедентной преданности и неискоренимой вере в высшую справедливость.

Помимо власти над судьбами людей, красная ряса давала множество дополнительных привилегий. От святой церкви кардиналам доставался особняк в живописном месте на одном из «живых» континентов, оставшихся после рукотворной катастрофы, набитый прислугой, современной электроникой, автомобилями, яхтами, катерами и всем, что могло бы облегчить тяжёлую жизнь священного служителя Господа, днями и ночами трудящегося во имя благополучия верующих.

Говоря простым языком, брат Стратис оказался в крайне затруднительном положении. С одной стороны его манила вероятная возможность стать обладателем красного одеяния. С другой – он должен был подчиняться всем, без исключения, законам новой церкви. Пусть даже во вред себе. В то же самое время, чтобы стать избранником Бога, нужен был кристально чистый послужной список. Малейшее прегрешение, даже такое невинное, как сон на ответственном посту, навсегда вычёркивало соискателя из многомиллионного списка желающих.

– Пойдём, подышим свежим воздухом, – предложил ему Роланд.

Брат Стратис поспешно кивнул и первым выбрался из автомобиля, существенно ослабив нагрузку на стабилизаторы

машины, протяжно скрипнувшие в душной ночи прибрежного Поруса.

– Тупой жирдяй, – проворчал Роланд, как только дверь патрульного автомобиля захлопнулась.

Ночной город утопал в тёплом бризе Горячего моря и подсветке ярких фонарей, расположившихся стройными рядами вдоль мощёных полированным гранитом улиц. Сегодня диакону достался спокойный район для патрулирования. Сверкавшие хромом и стеклом высотки упирали свои башни в бездонную пропасть небес, растворяясь очертаниями в черноте космоса, сквозь которую россыпью алмазов сверкали далёкие звёзды. Это был спальный район перспективных бизнесменов и их семейств. Вряд ли за ночь здесь произойдёт нечто, несущее вред устоявшейся вере. Роланд оглянулся по сторонам. Ему захотелось отлить, но поблизости не оказалось ни одной кабинки уличного клозета. По леву руку от него простирался обширный парк. Неведомые архитекторы позаботились о том, чтобы законопослушные плательщики податей имели лучшее место в районе для отдыха в конце рабочей недели. Днём здесь было не протолкнуться от количества желающих посидеть на травке посреди каменного мегаполиса. Воссоединиться душой и телом с первозданной природой, чтобы с началом нового дня приступить к работе во благо процветания нового общества.

– Пойду проветрюсь, – бросил он через плечо брату Стратису, самолично принявшему решение прочесть, как мини-

мум, тысячу раз «Отче наш», дабы избежать духовного грехопадения.

Во всю болтовню, связанную со вторым пришествием Христа, Роланду почему-то не верилось. Он постоянно задавал себе один и тот же вопрос. Если бы всё происходило именно так, как об этом говорили святые кардиналы, то почему Бог не приблизил заблудших детей своих к себе? Почему не правит людьми сам, а доверил это жадным до власти кардиналам? Недавно посвящённый в чин диакона, делиться с кем бы то ни было мыслями на эту тему остерегался. Он не понаслышке знал, что у служителей святой церкви была обширная агентурная сеть, собиравшая по крупицам информацию о каждом гражданине империи. Всех выявленных инакомыслящих приговаривали к прилюдной кремации заживо, дабы остальным было неповадно сомневаться в божественном предназначении пастырей. Показательные смерти приурочивали к праздникам, чтобы собравшийся на площади народ мог насладиться ярким зрелищем сошествия еретиков в геену огненную. В эти дни город окутывал удушливый смог, а солнце светило тусклее сквозь полупрозрачные дымные облака, в кои превращались отошедшие в иной мир мученики.

Роланд продрался сквозь цепляющуюся за рясу тысячами мелких иголок живую изгородь, намереваясь обмочить ближайшее дерево. Если бы кто-нибудь заметил его за этим занятием, это бы грозило очередным наказанием, коих за се-

годня диакон набрал уже три. Но густые кроны деревьев не пропускали уличное освещение сквозь листву, поэтому можно было наплевать на устоявшиеся запреты. Он задрал затасканную рясу, под которой оказался боевой спецкостюм пятого поколения, предназначенный для защиты святых блюстителей справедливости от покусительства воинствующих ячеек неверных. Расстегнул клапан и с наслаждением выпустил струю, задрав голову вверх и разглядывая звёзды сквозь прорехи ветвей. Было тихо. До конца рабочей смены оставалось три часа. С приходом утра он сдаст вверенный ему бронированный внедорожник «цербер», специально разработанный для решения оперативных задач автомобильным концерном «Фуйзи моторс», диакону дневного ордена и со спокойной душой отправится в новое жилище, положенное по случаю повышения в чине. Три спокойных часа до рассвета...

Если бы он был единственным членом оперативной группы. Но три часа наедине с потным и жирным братом Стратисом перечёркивали любую прелесть любого места, где бы им ни приходилось бывать. К тому же, он оказался тем ещё трусом и жополизом. С таким о жизни не поговоришь и в квартал терпимости не сходишь, когда ночная смена слишком затягивается. Сдаст, не моргнув и глазом. Нужно будет попросить приора, чтобы ему назначили в напарники другого семинариста. Придётся подмазать главного смены, но в пределах разумного, дабы не оказаться пред светлыми очами

судебного викария за попытку дать взятку святому хранителю веры при исполнении служебных обязанностей.

Неожиданно в ночи раздался звонкий дребезг разбившегося стекла, разнёсшийся по кварталу хрустальным перезвоном. Роланд поспешно привёл себя в порядок и насторожился. Вдалеке гроыхнула входная дверь и в тишине ночи отчётливо раздался дробный перестук женских каблуков. Он опрометью выскочил на проезжую часть. Брат Стратис стоял посреди улицы, разинув от неожиданности рот, и подслеповато вглядывался вдаль.

– Чего стоишь? – крикнул ему Роланд. – На выручку! Не видишь? Женщина нуждается в помощи.

Диакон побежал навстречу незнакомке, сдёргивая с плеча крест связи. Мгновением позже, скинув с себя оковы страха, тяжело переставляя ноги и громко сопя, побежал брат Стратис.

– Нештатная ситуация, – доложил Роланд. – Требуется наша помощь.

– Что у вас случилось? – отозвалась рация тревожными интонациями.

– Похоже, что женщину кто-то преследует. Мы бежим к ней.

– Ну, слава Иисусу Христу! – взмолился голос приора. – К празднику наберём десяток грешников, чтобы выполнить план по поимке неверных.

Роланд при этих словах болезненно сморщился. Приор,

похоже, метит на место аббата, скончавшегося недавно от сердечного приступа! Вакансия до сих пор открыта, а верховный епископ не торопится заполнить брешь в рядах святых защитников. Краем уха диакон слышал, что история со смертью аббата пахнет гнилой ересью. Мол помер он не своей смертью и не у себя дома. Когда в процессе расследования раскрылись все обстоятельства этой тёмной истории, разбирательство по делу скоропостижной смерти передали аж в генеральную судебную службу. А это означало серьёзную чистку в низших должностных рядах. Столь неуместная смерть аббата вытянет на свет множество грязных делишек его ближайшего окружения. Много голов полетит с плеч. И курортный мегаполис империи заволочет смог от беспрестанно работающих печей крематориев. Роланд улыбнулся, довольный своими выводами.

Женщина, заметив двух живых людей на пустынной улице, бросилась к ним со всех ног. Роланд припустил быстрее. Кажется, назревала ситуация, которая позволит шагнуть на одну ступень выше в иерархии святой церкви. При условии, что всё пройдёт так, как надо. Тогда он сменит однушку диакона на вполне приличное жильё и сможет, наконец, приступить к поискам Грейс, не привлекая излишнего внимания к своей особе. А потный брат Стратис получит мощный старт в начале своей бесконечной карьеры. Эти мысли вихрем пронесли в его голове, рисуя радужные перспективы будущего.

– Помогите! – донёсся до него голос, полный отчаяния и страха.

Роланд выбежал под свет фонаря. Женщина взвизгнула и неожиданно остановилась. Попятилась назад, будто увидела перед собой выходца из преисподней. Сбросила с ног туфли на высоких каблуках и нырнула в темноту парка, преодолев живую изгородь одним прыжком. Диакон заметил, что на ней не было никакой одежды, кроме изорванного полупрозрачного короткого платица, едва доходившего до чресел. Роланд остановился, лихорадочно соображая, как можно оценить поведение незнакомки.

– Вы это видели?! – спросил удивлённо, подбежавший следом семинарист.

– Что? – не понял Роланд.

– Как она сиганула, – пояснил тот. – Одним прыжком. У меня такое вряд ли когда получится.

Роланд окинул напарника оценивающим взглядом. Даже, если он будет сидеть на воде и чёрством хлебе целый год, вряд ли повторит подобный трюк. К тому же девушка должна была быть знакома с гимнастикой, раз ей удалось так ловко перепрыгнуть изгородь высотой полтора метра. А брат Стратис и гимнастика две абсолютно несовместимые вещи. Даже во сне.

– В этом ты прав, – согласился с ним диакон. – Причём, абсолютно.

– Как думаете, что с ней произошло? – спросил семина-

рист испуганно.

– Сейчас выясним.

Роланд решительным шагом направился к двери, откуда выбежала незнакомка, благо найти её оказалось просто. Битое стекло, играющее острыми гранями при свете фонарей, безошибочно указывало место начала этого странного забега с преодолением препятствий.

У него никак не выходило из головы выражение лица девушки, когда она поняла, что навстречу ей бежит служитель справедливости. Страх и ужас. Неужели за одну ночь люди стали относиться к служителям святой церкви с таким недоверием? Ответ на этот вопрос он получил, как только дверь предполагаемого парадного входа многоэтажного здания распахнулась и из неё вывалился пьяный обнажённый по пояс мужчина с всклокоченными волосами и наливающимся ярким фиолетовым цветом синяком под глазом. Брат Стратис при этом испуганно вздрогнул и было развернулся на месте, чтобы ретироваться, но был схвачен твёрдой рукой диакона за воротник и возвращён в исходное положение. Роланд несколько раз хорошенько встряхнул обмякшего юношу, и, когда тот начал сопротивляться, отпустил. Семинарист от чрезмерно приложенных усилий шлёпнулся толстым задом на мостовую и громко взвыл.

– Не скули! – зло бросил ему Роланд. – Ты позоришь орден!

Стратис заткнулся и, потирая ушибленное место, медлен-

но встал на четвереньки, а затем, кряхтя, поднялся на ноги.
– Наручники! – приказал ему Роланд.

Сам он выхватил парализатор, запутавшись на миг в просторной рясе.

– Стоять! – крикнул он. – На колени! Руки за голову! Спиной ко мне!

Незнакомец едва стоял на ногах, придерживаясь за дверную ручку, и дико вращал глазами, плохо соображая, что происходит.

– Вы охренели что ли?! – выдавил он пьяно. – Да я вас сейчас...

Договорить он не успел. Диакон выстрелил в него дважды и мужчина распластался на изящном крыльце, выполненном в стиле давно минувшей эпохи позднего ренессанса.

На шум голосов из застеклённого подъезда выбежал ночной администратор. Тем временем Роланд, достав собственные наручники, ловко сковал ушедшего в беспамятство незнакомца по рукам и ногам.

– Боже, мой! – испуганно ахнул администратор. – Что вы наделали?!

– Задержали отступника, – ответил ему диакон.

– Вы что?! Это же почётный гражданин империи! Второй заместитель главы корпорации «Шимоку», господин Назира Юмасаки!

– Чёрт! – сокрушённо вымолвил Роланд. – Вы уверены, что это он?

– Абсолютно! – ответил тот важно.

Дело запахло не просто жареным, оно запахло пеклом! Корпорация «Шимоку» занималась разработкой спецкостюмов для ночных блюстителей справедливости. Кроме этого она производила амуницию и вооружение для святого ордена. Столь крупная рыба, как второй заместитель главы корпорации очень тесно сотрудничающей со святым орденом, могла взбаламутить воду. Да так, что диакон Роланд мог сам оказаться на святом аутодафе, несмотря на долгий послужной список.

– Боже справедливый, спаси нас и сохрани, – услышал он, наполненный суеверным страхом, голос брата Стратиса.

– Заткнись, – сказал ему Роланд негромко. – Сейчас разберёмся, что к чему. Глядишь, избежим душегубки. Хватай его и потащили в квартиру.

Брат Стратис сграбастал заместителя в охапку и легко закинул на плечо. Хоть он и был беспросветно туп, но силой его господь не обделил.

– Где его жильё? – спросил у администратора Роланд, переступая рассыпавшиеся по полу осколки стекла. – Мы его туда доставим, раз уж он такая важная птица.

– Конечно важная! – возмущённо ответил тот. – На верхнем этаже. У него пентхаус.

Диакон удивлённо присвистнул. В пентхаусах ему ещё бывать ни разу не приходилось. Нужно поскорее разгрести это дело и свалить с глаз долой подобру-поздорову.

– «Чёрт! – подумал он про себя. – В какое же дерьмо я вляпался?»

– Будьте так добры, – попросил он мужчину, – сопроводите нас до нужного этажа.

– Хорошо, – согласился тот.

Роланд обвёл взглядом просторный холл, обставленный с изяществом и неброским роскошеством. «Живой пол», последний писк в отделке сверхсовременных зданий, поражал взгляд своей реалистичностью. На нём отображалось восточное полушарие в режиме реального времени. Принимаемая со спутника картинка обрабатывалась приёмником и передавалась на панели пола. Сейчас тут была ночь и Роланд отчётливо мог различить искры многочисленных городов, рассыпавшихся по всему Горячему континенту. Он знал, что любой желающий мог выделить область на панели, и получить высококачественное изображение любого участка полушария в желаемом масштабе. Когда надобность в отделённой области отпадала, изображение возвращалась в исходное положение. Такие полы стоили уйму денег, но их обслуживание стоило в десятки раз дороже. По краям полушария располагались удобные кресла и диваны, обтянутые натуральной кожей вымерших борусов, чтобы ожидающие гости могли полностью насладиться великолепным видом родной планеты из космоса. Сделанная из бронированного стекла и чёрного дерева, произраставшего в знойных джунглях Немезии, стойка администратора с анодированными золотом метал-

лическими рантами, только подчёркивала изящество и надёжность интерьера. Да одно убранство холла этого здания стоило столько, сколько Роланду не заработать за всю свою жизнь! Даже если бы он получил должность приора и регулярно брал взятки.

Администратор набрал на голографической панели несколько команд. Расположенные по краям стойки панели из красного дерева сдвинулись в стороны и из них вышли стражи – охранные андроиды третьего поколения с автономным источником питания. Искусственный интеллект второго класса позволял им выполнять несложную задачу патрулирования периметра, адекватно реагировать на нарушение границ и в случае, если у них отсутствовало вооружение, вызывать наряды блюстителей справедливости.

– Твою мать! – Роланд шарахнулся в сторону от роботов.

– Не беспокойтесь. – Проговорил администратор, заметив реакцию диакона. – Я внёс ваши биометрические данные в систему. Теперь они не будут обращать на вас внимание.

– Но, когда вы успели?! – удивился Роланд. – Мы же не проходили процедуру сканирования?

– На входе установлены датчики, фиксирующие биометрию каждого входящего и выходящего. У нас полная отчётность посекундно, – пояснил мужчина с гордостью.

Похоже, Роланд поторопился с оценкой стоимости холла. С андроидами и активной системой слежения эта берлога стоила миллиарды.

– Прошу за мной.

Администратор вежливо указал на дверь скоростного лифта.

Роланд, а за ним брат Стратис с ношей на мощных плечах прошествовали в просторный лифт, который с невообразимой скоростью доставил их на верхний этаж. Сквозь заднюю стенку лифта, сделанную из стекла, Роланд видел удаляющуюся из-под ног мостовую с прилежащим к зданию парком «пяти континентов».

Пентхаус занимал весь верхний этаж. Пока брат Стратис аккуратно укладывал «потерпевшего» на диван, Роланд, ради любопытства, оглядел всё жилище. За ним неотступно следовал администратор, поясняя назначение многочисленных комнат. Тут был и огромный бассейн с собственной сауной, и десяток шикарно обставленных спален, и полагающаяся при таких размерах гостиная, но больше всего Роланда поразил широкий балкон, где могли с комфортом расположиться два десятка человек. Он подошёл к ограждению и глянул вниз. У него закружилась голова и он тут же отпрянул, боясь свалиться с километровой высоты.

– Неплохое гнёздышко! – заметил он.

– Неплохое? – администратор поглядел на служителя с подозрением. – Это лучший пентхаус во всём мегаполисе!

– Благодарю вас! – Роланд поспешил выставить мужчину за дверь. – Дальше мы сами. И, если вам не трудно, подготовьте записи, где я могу отчётливо увидеть девушку.

– Будет сделано, диакон, – заверил его мужчина.

– Вот и отлично! – Роланд захлопнул дверь.

Он вернулся к дивану, на котором лежал скованный заместитель.

– Ты какого хрена его не расстегнул?! – спросил он у напарника, нерешительно переминающегося с ноги на ногу.

– Так не было такого приказа, – оправдался тот.

Роланд снял наручники и заботливо подложил под голову мужчины мягкую подушку.

– Мог бы и сам догадаться. Принеси воды и приготовь аптечку.

Брат Стратис сорвался с места, спеша выполнить поручение. Через несколько секунд он вернулся, сияя от того, что выполнил задачу в кратчайшие сроки.

– Что вы хотите с ним сделать? – спросил он, протягивая стакан чистой воды.

– Для начала приведём его в порядок, чтобы выяснить, что на самом деле здесь произошло. Ты же понимаешь, что будет, если мы неверно оценим ситуацию?

– Что? – не понял тот.

– Нас зажарят, как сосиски на сковороде, – ответил диакон. – Где аптечка?

Брат Стратис порылся в складках просторной рясы и выудил на свет божий маленький чехольчик с логотипом корпорации «Шимоку».

– Дай мне эпинефрин, – потребовал Роланд.

– Но, мы можем его убить! А если препарат действует не так, как нужно? – сказал он дрожащим голосом, протягивая шприц.

– Ключевое слово «если», – проговорил диакон тихо, выдёргивая из протянутой руки небольшую ампулу, увенчанную остро отточенной сталью.

– Всемилостивейший отец наш Иисус Христос, – взмолился напарник, – огради нас от шагов неверных и огради от гнева Твоего.

Роланд нащупал межреберье и одним движением вогнал иглу в сердце, впрыскивая бодрящий состав, пока брат Стратис своим нытьём не успел его отговорить. В тот же миг заместитель, лежавший до этого со смиренностью трупа, с жадностью вдохнул полной грудью и вскочил с места. Несколько мгновений он переводил ошалевший взгляд со служителей церкви на болтающийся шприц, торчащий из груди, пока не додумался выдернуть его из тела.

– Кто вы такие и что вы делаете в моём доме? – спросил он грозно.

– Спокойно! – Роланд поднял обе руки вверх. – Мы блюстители справедливости. Встретили вас внизу, когда проводили осмотр территории.

– А-а-а, – мужчина явно начал припоминать события последних секунд перед отключкой. – Так это ты меня того... парализатором?

– Этого требовала оперативная необходимость, – объяс-

нил Роланд. – Вы были агрессивно настроены и явно не в себе.

– Знаешь, кто я такой? – спросил у него заместитель.

– Да.

– Тогда слушай меня внимательно, диакон, – сказал заместитель с угрозой в голосе. – Сейчас ты возьмёшь с собой твоего жирного дружка и отправишься на поиски той шлюшки, которую вы упустили. А когда вы поймаете её и приведёте ко мне, то я, так и быть, забуду об этом инциденте. Более того, я прослежу за тем, чтобы ты получил следующее назначение. А чтобы ты немедленно приступил к поискам, я перечислю на твой счёт кругленькую сумму за проделанную работу, когда всё утрясётся. В противном случае я сделаю так, что ты окажешься на вертеле завтра же! Ты меня понял?

Роланд на угрозу не обратил ни малейшего внимания. Ему случилось слышать слова и пострашнее. А вот брат Стратис чуть не обделался от страха, громко выпустив газы из своей объёмной задницы. Он мелко затрясся и побледнел. Его ноги подкосились и он плюхнулся на диван, протестующее скрипнувший под его весом.

– Я-то понял, – ответил диакон спокойно. – Только прежде мне нужно разобраться с обстоятельствами. Святой закон предписывает мне быть объективным в любой ситуации.

Мужчина смерил его оценивающим взглядом.

– Истинный служитель церкви? – он иронично усмехнул-

ся, по-хозяйски рассаживаясь в роскошном кресле и наливая дорогой янтарный коньяк из пузатой бутылки. – Можешь быть спокоен на этот счёт. Ты сделаешь правое дело и твоя вера не пострадает, – он одним глотком опустошил содержимое хрустального бокала.

– И всё же, – настоял на своём диакон, – я хотел бы разобратся.

Мужчина помолчал, сходил за вторым бокалом и налил в оба. Протянул один Роланду.

– Хорошо, – согласился заместитель. – Но ты мне должен пообещать, что выполнишь наш уговор. Если не успеешь за оставшееся время, считай, что ты сам виноват.

– Идёт, – ответил диакон. – Я согласен.

– Вы что?! – тут же встрял в разговор напарник. – Это верный путь на аутодафе!

– Заткнись! – бросил ему через плечо Роланд.

За все года, проведённые на службе святой церкви, диакон посмотрелся на многое. Научился пятой точкой чувствовать ситуацию. И сейчас она, пятая точка, подсказывала ему, что дело того стоит. Мужчина, сидящий напротив, ведёт себя вполне уверенно, не суетится и не прячет взгляд. Значит, уверен в себе и законности своих действий. С ним стоило заключить договор. Тем более, что положительный исход дела приближал его на один шаг к мечте. Чаения брата Стратиса он в расчёт не брал. Это жестокий мир. И каждый выживает в нём, как может.

– Тогда слушай, – заговорил мужчина. – Я познакомился с Ритой два дня назад. Она красивая девушка, – он сделал ударение на последнем слове. – Но, вместе с её достоинствами, очень гордая и, как оказалось, чересчур строптивая. Два дня я обхаживал её. Водил по ресторанам, в которые её не пустили бы за всю её жизнь. Катал на яхте и знакомил с друзьями, – он отхлебнул и усмехнулся. – Но, когда пришло время отдавать вложенные средства, она заупрямилась и врезала мне по лицу.

Мужчина потёр лиловый синяк.

– Хороший удар, – заметил Роланд.

– Да, – согласился заместитель. – Я рассвирепел, прижал её к стене и содрал с неё трусики, желая взять своё по праву. Но эта гадина саданула мне коленом между ног и удрала. Вот и вся история, которую вам необходимо знать.

Он отхлебнул ещё.

– Я желаю, чтобы к рассвету она лежала на вот этом диване. Обнажённая и готовая на всё, – он плотоядно улыбнулся.

– Вряд ли она согласится сделать так, как вы хотите, – сказал Роланд. – Тем более такое поведение церковь не приемлет.

– Я же говорил, чтобы ты не волновался? – напомнил мужчина.

Господин Юмасаки встал с места и подошёл к столу. Выдвинул один из ящичков и достал бумагу с гербовой голографической печатью святой церкви.

– Эту бумагу я прикупил на всякий случай у верховного епископа Корнелиуса, когда приезжал к нему погостить. Вот его подпись, – он показал Роланду пальцем на знакомые закорючки. – Взял оптом. На всякий случай, так сказать. Теперь я требую, чтобы согласно договору, вы выполнили свою работу. Тем более, что я плачу сверху.

Роланд поглядел на документ. На нём золотым тиснением был написан незамысловатый текст, известный каждому представителю не только святой церкви свидетелей второго пришествия, но и каждому гражданину великой империи Иисуса Христа. Такой бумажечкой желал обладать каждый. Поскольку именно она могла спасти тело преступившего закон от неминуемого наказания. В ней было написано следующее:

«Предъявитель сего документа сделал то, что сделал. Во славу церкви и империи. Он освобождается от преследования со стороны закона. Ему отпускаются все грехи, связанные с инцидентом. Во имя праведного господа Бога нашего Иисуса Христа.»

Это была тройная индульгенция за подписью вышеназванного епископа. Самая дорогая из всех, что могла предложить церковь законопослушным гражданам империи. Своеобразный договор между церковью и гражданином, по которому, за очень большие деньги, гражданину разрешалось совершить один из грехов, карающихся кремацией. А эта бумага предоставляла тоекратное нарушение. Тем более го-

логографических отметок об её прежнем предоставлении органам соблюдения справедливости не было.

Роланд возликовал. Он знал! Знал, что дело стоящее. Оставалась самая малость. Нужно было изловить девку и доставить просителю. Это был джекпот. Тот самый, который дожидался его всю жизнь.

– Ясно, – заключил он. – Это я возьму с собой. Извините за причинённые неудобства, господин Юмасаки.

В ответ заместитель повелительным жестом отправил его прочь. Диакон сложил документ и спрятал в нагрудный клапан. Поставил нетронутый бокал на столик и быстро встал.

– Поднимайся, брат Стратис. У нас много дел, – сказал он вспотевшему от переживаний напарнику.

Лифт быстро доставил двух служителей церкви в холл, где их уже ожидал услужливый администратор. Роланд сбросил более чёткое фото на санктиком.

– Мне нужна биометрика ночной гостьи господина Юмасаки, – потребовал диакон.

– Непременно, – широко улыбнулся администратор, протягивая заранее приготовленный чип.

– А вы здесь времени даром не теряли, как я погляжу? – усмехнулся Роланд.

– Это моя работа. Предвидеть желания посетителей, – на лице администратора улыбка смотрелась, как приклеенная.

Роланд взглянул на хронометр. До рассвета оставалось два с половиной часа. Два с половиной часа до новой жизни,

о которой он мечтал долгими годами.

– За мной! – скомандовал он напарнику. – Не будем терять драгоценное время.

С этого самого момента оба блюстителя справедливости становились охотниками. Они должны были поймать дичь, дабы удовлетворить оплаченное гражданином империи требование. Документ, подтверждающий легитимность сделки находился у диакона.

– А что будет с девушкой? – спросил напарник.

– Это не наше дело. У нас на руках требование о её поимке. Гражданин подал заявку и мы должны её выполнить. Это наш святой долг. Вспомни всё, чему тебя учили в семинарии. Или ты пошёл в ряды святого воинства только для того, чтобы набивать на халяву пузо?

Напарник, не ожидавший такого наезда, заткнулся. Роланд смерил его презрительным взглядом.

– Не забывай, что тот тип обещал нам доплатить сверху. А это намного важнее твоих переживаний о судьбе какой-то там полуголой шлюшки, бегущей по парку, и не пожелавшей раздвинуть свои прелестные ножки, когда её об этом ласково попросили. Знаю я таких. Сначала ведут себя, словно члена в жизни не видали, а потом их не остановишь. Перескакивают с одного на следующий, думая, что весь мир создан благодаря её промежности. К тому же скоро рассвет. Напомнить тебе, какое наказание сулит тому, кто появляется в общественном месте без нижнего белья?

– Прижигание паяльной лампой причинного места до полного обугливания, – ответил на автомате напарник.

– То-то и оно! – Роланд подтолкнул парня к выходу. – А теперь вытри сопли и соберись. Считай, что с этого момента началась твоя аттестация.

– Удачной охоты! – пожелал им на прощание администратор.

А время всё уходило.

– Диспетчер! – диакон вызвал приора на связь. – У нас охота по тоекратному требованию. Прошу поддержку двух нарядов. Ищем беглянку. Файл с её изображением я вам уже отправил.

– О-о-о! – обрадовано отозвался приор. – Вот это новость! Где вы находитесь?

– У парка пяти континентов.

– Это же две тысячи гектаров деревьев и кустов! Как вы собираетесь её отыскать? Тем более в такой темноте? – удивился приор.

– У меня есть её биометрика. Запрашиваю сканирующие дроны в поддержку. Время доставки просителю – один час.

– Уже отсылаю, – голос приора Гардена излучал радость. – Время прибытия – четыре минуты.

Ну, надо же такому случиться! Если в его смену зафиксируют акт исполнения индульгенции, он будет особо отмечен на собрании аббатов и, скорее всего, займёт пустующее место. Как человек, свято чтущий законы Христа и исполняю-

щий свой долг перед церковью. В общем, от поимки беглянки зависели судьбы многих и многих людей. И он был кровно заинтересован в положительном разрешении этого дела.

– Оперативно работаете! – похвалил диакона приор. – Не каждому дано добыть биометрику беглеца. Уж я-то знаю.

– Стараемся, – отозвался Роланд.

О том, что биометрические данные ему достались совершенно случайно, он решил умолчать. Пусть приор думает, что это заслуга их группы.

– Прошу вас отметить блестящую работу моего напарника в этом деле, – сказал он приору.

Жирдяя нужно было тоже подмазать, чтобы он держал рот на замке, хотя он только и делал, что пускал газы и трясся от страха.

– Уже отметил, – ответил приор. – Я предоставлю все возможные ресурсы, диакон. Но вы должны поймать эту девку до рассвета. Что будет в противном случае – вы знаете.

И почему сегодня все решили угрожать Роланду всеми небесными карами? Он и сам прекрасно понимал, что подобного случая может и не представиться всю оставшуюся жизнь, поэтому упускать такой шанс было не в его интересах. Диакон решил, что и ему тоже стоит поугрожать кому-нибудь, чтобы сравнить пар. Для этого дела лучше всего подходил напарник.

– Если ты хоть одним звуком заикнёшься кому-нибудь о нашем договоре с господином Юмасаки, я раздобуду индულ-

генцию и подвешу тебя за твои жирные яйца в этом парке. Усёк?

Бедный брат Стратис от страха потерял дар речи. Он часто закивал головой, давая понять, что всё прекрасно понял, и норовил шлёпнуться на мостовую под ноги всесильного диакона. Роланд схватил его за шиворот и отволок за живую изгородь, дабы случайные свидетели, если таковые найдутся, не видели служителя церкви в столь унижительном состоянии. Там он нашлёпал напарника по щекам, пока они не стали багровыми, встряхнул для острастки несколько раз и проговорил ледяным тоном, не терпящем возражений:

– Если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, то я не стану дожидаться индульгенции и приведу свою угрозу в исполнение немедленно.

– Прошу вас, диакон! – взвыл тонким голоском верзила. – Я сделаю всё, что вы скажете. Только не надо меня за яйца...

Роланд отшвырнул ногой ползущего к нему на четвереньках напарника, вытирающего льющиеся по щекам слёзы.

– Через минуту жду тебя у машины.

Четыре минуты растянулись в вечность. За это время к ним успели присоединиться ещё две поисковые группы: браво шесть и браво три. О прибытии дронов Роланд узнал по характерному звуку издаваемому лопастями, разрезавшими плотный воздух.

– Группа браво два, приём! – ожил крест связи голосом

приора.

– На связи, – тут же отозвался Роланд.

– Птички прибыли. Передаю управление на ваш санкционком. Удачной охоты! – пожелал приор.

– Принял. Связь установлена. Ждите отчёта через час, – ответил Роланд. – Свифт! – обратился он к диакону группы браво шесть. – Прочеси пространство левее четвёртого квадрата. Возьми повыше, чтобы охватить большую территорию. Сканеры биометрии позволяют работать на высоте сотни метров. Так мы быстрее отсеем ненужные участки. Вот полномочия, – он вынул из клапана документ и протянул Свифту.

– Хорошо, диакон Роланд, – сказал командир шестой группы, изучив документ и возвращая индульгенцию. – Все правила соблюдены. Поймаем ослушницу во имя Христа!

– Аминь! – отозвался Роланд.

Командиру группы браво три, диакону Аврелию, достался участок парка, расположенного по правую сторону от квадрата четыре. Он с ходу просёк, кто возглавляет операцию, и с готовностью включился в поиски беглянки. Роланду же достался весь четвёртый сектор. Он простирался от южной границы парка до северной и находился точно посередине. Именно в этом направлении побежала девушка. И именно здесь Роланд намеревался поймать ослушницу. Почему он так решил? Да просто потому, что человек, убегающий в страхе, не станет петлять влево и вправо, а будет нестись со

всех ног по прямой, в надежде удрать как можно дальше, пока не наткнётся на укрытие. Он на подсознательном уровне не знает, что его будет искать такой же человек при помощи глаз. Не по запаху, не по следам или ионным отпечаткам в атмосфере, которые можно с лёгкостью запутать. Единственный аспект, который не учла беглянка, так это сканеры биометрии на входе в холл здания.

Роланд активировал тепловизор, входивший в стандартный комплект спецэкипировки, дал сигнал брату Стратису следовать за ним, и нырнул в чашу парка. На его территории располагалось множество мест, где можно было принять пищу. Начиная от обычной будки на колёсах и заканчивая ресторанами среднего пошиба. Но ни в одном из них сейчас укрыться было нельзя. Потому что в предрассветные часы они закрывались на профилактику, а открывались с началом полного утра. То есть в 10 часов.

Единственным местом, где могла находиться беглянка, был круглосуточный клуб, где шальные подростки, без страха быть пойманными блюстителем справедливости в состоянии алкогольного опьянения, проводили ночь и выходили наружу только, когда приходили в себя после бурно проведённой ночи. Строгие законы будничного поведения не позволяли им появляться пьяными в общественном месте. Поэтому рядом с клубом имелся отель, где они приводили себя в порядок. Вот там и стоило искать ослушницу. Так думал Роланд, потому что он поступил бы так же, будь он моложе.

Отсиделся бы ночью где-нибудь в людном месте, а поутру затерялся среди толпы прохожих, наводнявших парк в поисках уединения с природой. Наряд ослушницы вполне вписывался в ночной стиль одежды любителей ночных развлечений и она не привлечёт к себе излишнего внимания.

И место это находилось как раз в центральной части парка, до которого было две тысячи метров по прямой.

Роланд, на всякий случай, пробил по базе хозяина сего срамного заведения. Приводов нет, жалоб тоже. Исправно платит щедрые подати, есть отметка о покупке одной индальгенции. Вполне добропорядочный гражданин. Тем более размер податей говорил о том, что он находится под особой опекой церкви. С молчаливого согласия обеих сторон, святая церковь не заостряла своего внимания на деятельности щедрых меценатов, прощая порой им мелкие прегрешения. Зачем рубить голову овце, отращивающей шерсть быстрее всех? Как говаривал приор Гарден в таких случаях. А «овцы», в свою очередь, платили тройной налог, лишь бы служители справедливости обходили их заведения стороной. Роланд бы и сегодня не стал соваться в клуб. Но долг и честь перед церковью требовали от него проверить все места, где могла укрыться ослушница. Он прибавил шаг, чувствуя, как в его сердце надежда на долгожданную встречу с Грейс становится всё явственнее и материальнее. К счастью для него, встроенный в костюм санктиком имел сканер биометрии и он надеялся, что поимка девушки это вопрос получаса. Ко-

нечно, придётся немало походить и прошерстить толпу народа. Но герб служителя справедливости обрушивал любые препоны, которые могли бы возникнуть на его пути. Люди боялись оступиться или попасть в немилость святому ордену, поэтому охотно шли навстречу, предлагая свою помощь. Некоторых приходилось насильно отваживать от помощи, потому как желающих выслужиться перед церковью было на порядок больше.

К счастью, данные в помощь группы браво не подавали сигналов, что говорило о верных предположениях Роланда. Он припустил бегом, чувствуя, что сердце готово вот-вот выпрыгнуть из груди от эйфории. Семенящий следом брат Стратис засопел громче. Через десяток минут они выбежали на площадку перед высоким кубическим зданием без окон, огороженным каменным забором с единственным входом на территорию, который охраняли два громадных типа, выполнявших роль охраны и контроля. Роланд предъявил герб служителя и они расступились в стороны, молча склонив головы.

Стоило служителям пройти звуковой шлюз, как на них обрушился водопад музыки, бивший по перепонкам децибелами низких частот. Они вошли в море дрыгающихся в одном такте тел. Диакон знаками показал семинаристу, чтобы тот двигался ко входу в отель. Сам он активировал сканер и влился в толпу. Радиус действия сканера был небольшой, но он справился с задачей за короткое время. Как и ожида-

лось, полуголой девицы здесь не было. Оставался последний вариант. Проверить номера отеля.

Герметичная дверь, разделяющая танцевальный зал и отель, встала на место, отсекая Роланда от громоподобного звукового вала, и он перевёл дух. Подошёл к стойке администратора, за которой находилась молодая девушка, и предъявил герб служителя. Её глаза испуганно забегали. В другое бы время диакон обязательно выяснил причину столь странного поведения, но сейчас он сделал вид, что не замечает её нервозности. Слишком много сейчас было поставлено на карту. Он показал изображение беглянки молодой особе, сказав, что ищет её по заданию самого приора. Администраторша облегчённо вздохнула и с готовностью сдала девушку, снявшую тринадцатый номер накануне их появления. Бинго! Вход в отель единственный, окон нет, подвальное помещение отсутствует. Она попалась!

– Всем группам, внимание! Птичка в клетке. Следуйте по пеленгу сигнала и ждите снаружи здания, – распорядился он.

– Принял, диакон Роланд, – эхом отозвались обе группы.

От волнения его голос слегка дрожал. Дело оставалось за малым. Схватить строптивую девку, доставившую столько хлопот и притащить к господину Юмасаки. Напарник заметно вспотел. Роланд отвёл его в сторону, чтобы обсудить план поимки.

– В общем так, – сказал он. – Сейчас на цыпочках подходим к двери. Когда я тебе дам сигнал, ты вышибешь дверь

и схватишь девчонку.

– А, если... – проговорил со страхом в голосе брат Стратис.

– Никаких «если» не будет, – перебил его Роланд. – Делай так, как я тебе говорю, и твоя жизнь наполнится радостью. Девчонка маленькая. Вряд ли она причинит вред такому бегемоту, как ты. Понял меня?

Чтобы не получить подзатыльник от старшего по званию, брат Стратис поспешно кивнул. Тринадцатый номер находился на первом этаже здания и найти требуемую дверь не составило большого труда. Роланд слегка подтолкнул напарника в спину. Тот разогнался и плечом выдавил хлипкую дверь. Девчонка была внутри. Вопреки ожиданиям диакона, она не стала визжать или впадать в истерику. Вместо этого полуголая девка, вскочив на диван, прыгнула навстречу брату Стратису. Он попытался сграбастать её ручищами, но хитрая девчонка схватила его за запястье, крутанулась в воздухе и с хрустом сломала ему руку. Стратис, падая на колени, громко взвыл. Не теряя инициативы, строптивица запрыгнула напарнику на шею и резко сжала бёдра, одновременно свешиваясь вниз. Раздался ещё один хруст и семинарист со свёрнутой набекрень шеей свалился грудой мяса на пол, подминая своей тушей ноги девчонки. Поначалу диакон опешил от такого яростного сопротивления, и тупо смотрел, как хрупкая на вид девка коверкает здорового мужика. Но потом опомнился, выхватил парализатор, перевёл индика-

тор в среднее положение и выстрелил в девчонку. Она на секунду выгнулась дугой и тут же обмякла. Он подскочил к ней и сковал наручниками, как до этого сделал с её заказчиком. Роланд поглядел на неё поближе. На вид ей было лет двадцать, не больше. Красивые пунцовые, слегка припухлые губы, темная копна длинных волос, приятный овал лица. Он перевёл взгляд чуть ниже. Под полупрозрачным платьицем топорщилась сосками полная, упругая грудь. Талия, которую можно было при желании обхватить руками и широкие бёдра. Он запустил руку под платье, дотронулся до молодой кожи, несколько раз сжал ягодицу. Такая девка кого хочешь сведёт с ума. Перед его глазами возник образ Грейс и он испуганно одёрнул руку. Поспешно стянул покрывало с дивана и обмотал им девчонку. Взвалил её на плечо, благо девица весила всего под полтинник, и быстро вышел прочь. Администраторша встретила его у входной двери отеля и проводила к выходу из клуба, услужливо распахивая перед ним танцующую молодёжь. Охрана периметра так же молчаливо проводила его взглядом, пока он шёл до служебного внедорожника.

Диакон Свифт умудрился доехать до клуба на автомобиле, хотя Роланд подъездных путей к зданию не заметил.

– Поздравляю с добычей, диакон Роланд! – он приветливо похлопал Роланда по плечу. – Славная девка! – заметил он, разглядывая лицо отступницы. – Тебя подбросить?

– Буду только рад, – ответил Роланд, глянув на хронометр.

До рассвета оставался час.

– Там в отеле. Брат Стратис, – вспомнил он о напарнике. – Эта девчонка свернула ему шею. Высади своего брата. Пусть возьмёт во-он тех бугаёв и вынесут его сюда. Всё равно без дела тут торчат. Диакон Аврелий отвезёт его к приору.

– Вот тварь! – диакон Свифт кинул злой взгляд на девушку. – Теперь ей точно не избежать кремации. Сделаем всё, как надо, – заверил он.

– Тогда отвези меня к той высотке, – Роланд показал на возвышающееся здание. – И можешь быть свободен. В конце смены я сдам отчёт, где отобразу твоё похвальное стремление к справедливости.

«Цербер» вырулил из кустов на мостовую как раз у входа в здание. Навстречу ему вышел администратор, услужливо открывший дверь диакону с ношей на плече.

– Добро пожаловать! – сказал он слащавым голоском. – Господин Юмасаки уже дважды справлялся о вас.

– Доложи ему, чтобы ожидал у двери. Я привёз девушку, как договаривались, – сказал ему Роланд.

– Непременно, – отозвался администратор. – Он будет очень доволен.

– Ещё бы, – хмыкнул диакон, вспоминая ощущения от прикосновения к упругой коже.

Двери скоростного лифта раскрылись, обнажая просторный коридор, где в открытом проёме двери стоял пошатающийся на ногах второй заместитель корпорации «Шимо-

ку». Роланд внёс девушку в квартиру, где положил на диван. Достал индульгенцию из клапана и протянул господину Юмасаки.

– Очень хорошо! – пьяно осклабился мужчина. – Теперь можешь идти. Твой долг исполнен, – он дружески похлопал Роланда по плечу. – Не удивлюсь, если через неделю ты займёшь место приора, – шепнул он ему на прощание.

– Благодарю, господин Юмасаки! – отозвался диакон.

Через два дня местные информационные источники вза­л­ёб рассказывали об очередном пресечении акта непослушания святым законам церкви, закончившемся героической гибелью одного из новобранцев ордена. Показали вырезки из файлов дронов, снявших момент поимки преступницы, а также довольную физиономию уважаемого гражданина империи, ставшего потерпевшей стороной. Была отмечена беспрецедентная отвага диакона Роланда, ставшего на некоторое время руководителем трёх групп служителей справедливости, получившего после инцидента повышение по службе, как знак особого доверия церкви. И непревзойдённые возможности управления нового аббата Гардена, руководившего всем ходом операции.

О девушке, не пожелавшей стать очередной жертвой святой церкви, не было сказано в этот день ни слова.

– Довольно! – грозно выкрикнул верховный епископ.

Голографическая панель санктикома, подчиняясь голосовой команде, свернулась. Прямая трансляция из зала заседания генерального комитета, где проходило разбирательство по делу ночного инцидента, случившегося у парка пяти континентов, прервала своё вещание.

– Соедини меня с кардиналом Клорадом, – потребовал он.

Нужно было срочно доложить, что первая стадия проекта «верховный жрец» прошла блестяще. Как и предсказывали аналитики отдела «божественной воли», наблюдавшие воплощение в жизнь собственных предположений, все, якобы случайные, лица ночной истории действовали в рамках ранее обсуждаемой модели поведения. Диакон Роланд выявил лучшие качества своей натуры, оставшись верным принципам святого исполнения, доказав своими действиями устойчивую психику к неординарному воздействию внешних факторов, не укладывающихся в стандартную линию поведения подопытных особей.

Желание кардинала Клорада, перестроить управление империей, путём внедрения на все должностные места сынов высшего сословия, начинало воплощаться в жизнь. Сам кардинал был негласным руководителем «совета сорока», в который, вместе с ним, входили сорок кардиналов ночного и дневного бдения, подчинявшихся ему беспрекословно по одной простой причине – он был самым старшим, а значит, самым опытным из всех. Ему было пятьсот двадцать четыре года. В то время, как самому старшему из «совета сорока»

было всего четыреста восемьдесят шесть лет, а самому младшему – триста три.

Глава 2. Причастие

Восходящее из-за горизонта солнце вонзило острым копьём луч в лицо парня, мирно спящего на остановке далеко за чертой города. Маврий открыл глаза. Он посмотрел мутным взором на руки, испещрённые множественными розовыми рубцами, провёл пальцем по свежим отметинам на теле. Боли не чувствовалось. Маврий тяжело приподнялся на ноги, запустил руку под штанину. Не веря собственным ощущениям, спустил брюки ниже колена. Начиная от чресел и ниже, по ногам опускались поперечные рубцы – отметины тайнодействия, означавшие, что парень преодолел границу возраста, став мужчиной.

– Ого! – выдавил он восхищённо. – Так много?!

Он рассматривал собственное тело, радуясь тому, что теперь Игнесса согласится стать его женой. Теперь для неё не могло возникнуть никаких сомнений в том, что он являлся истинным мужчиной, прошедшим обряд очищения души. Их будущий брачный союз освещён самим митрополитом, исповедавшим парня перед женитьбой с обязательным в таких случаях причастием. Он вывернул карманы. Всё было на месте. Даже маленький клочок бумаги, на котором мелким подчерком был записан адрес церкви святого причастия, был на месте. Достав из кармана смартфон, парень вызвал такси.

Как Маврий ни старался, он не смог припомнить ниче-

го, что произошло с ним за последние сорок восемь часов. Единственное, что помнилось отчётливо, это то, как он приотворил дверь в исповедальню и уселся на лавку. Зарешеченное окошко закрылось и на него опустился мрак.

49 часов до этого

– Шрамы украшают только настоящих мужчин! – сказала мать, наливая Маврию кружку чая. – Они есть у твоего отца и твоих братьев. Они были у моего отца и отца его отца. Это традиция, – она ласково погладила парня по голове. – Тем более нам, женщинам, это очень нравится, – шепнула она на ухо сыну.

– Мам! – воскликнул Маврий смущённо.

– А что?! Я давно заметила, что вы с Игнессой обжимаетесь в комнате, когда она приходит к тебе якобы спросить про домашнее задание. Думаешь, она думает иначе?

Парень засопел, ещё больше смутившись.

– Я всем сердцем надеюсь, что вы не возложились рядом обнажёнными? – спросила она строго. – Нарушивший запрет церковный будет четвертован и предан огню бес права передачи праха родственникам.

– Нет! Что ты?! У меня и в мыслях такого не было! – Маврий подскочил со стула.

– Тем лучше, – выдохнула она облегчённо. – Игнесса хорошая девушка, достойная моего сына, – она чмокнула Маврия в щёку, усаживая сына на место. – Через два дня тебе исполнится двадцать и ты сможешь на ней жениться.

– Так, ты не против? – спросил Маврий с надеждой.

– Нет, сынок, – ответила она. – Мы, с твоим отцом, это уже обсудили.

– Но! – растерялся парень. – Но, я же ничего не говорил вам!

– Это видно невооружённым взглядом. Ты самый младший из всех. А у всех моих мальчиков поведение одинаковое.

Она оторвала от листа бумаги, лежавшего на столе, клочок и что-то быстро на нём написала.

– Вот! – она протянула клочок сыну. – Садись в такси и езжай по этому адресу. Митрополит Гневий не единожды проводил обряды твоих братьев. У него явно лёгкая рука! Да и церковь святого причастия стоит в живописном месте парковой зоны, дабы напоминать нам, смиренным рабам Его, о бренности бытия. Когда вернёшься, мы устроим настоящий праздник! – она молитвенно сложила руки. – Пригласим родителей Игнессы и обсудим будущий союз.

Маврий сунул листок в карман и вышел за дверь. Мать с тревогой посмотрела ему вслед и молча перекрестила. Многолетняя традиция прохождения обряда очищения души не всегда заканчивалась благополучно. Некоторые из юношей так и не возвращались домой никогда.

Внутреннее море Горячего континента. Остров Ферзия

– Можешь идти, – сказал глава кардиналов, погладив послушницу по обнажённым ягодицам. – Прочти пятнадцать

раз молитву за здоровье и возвращайся.

Он запахнул полы красного махрового халата, накинутого поверх обнажённого тела. Пронизанный тончайшими нитями кевлара, придававшими одеянию невероятную сопротивляемость к огнестрельному оружию, он весил не больше ночной сорочки и имел отличную паропроницаемость, что позволяло носить его даже под палящим солнцем экватора. Повязав пояс, он сделал большой глоток «Ангельских слёз». Алкогольного напитка, настоянного на очищенных от соли слёзах великомучениц и перебродивших плодов винограда, произраставшего на южном склоне горы Ферз, вершину которого украшала резиденция самого «серого кардинала», как он любил себя называть.

Клорад усмехнулся ироничности происходящего. Он находился на острове, окружённом неприступными стенами с одной единственной тщательно охраняемой бухтой, посреди моря Слёз Грешников и пил чудесное на вкус вино «Ангельские слёзы» столетней выдержки, рецепт которого придумал сам, а позже испробовал приготовить собственноручно. Щепотка опия, добавленная в каждую бутылку, слегка туманила разум и задерживала эякуляцию. Кардинал всякий раз открывал этот напиток, когда хотел насладиться близостью с послушницами, монастырь которых располагался у подножия главной возвышенности острова.

Послушница, испив священного семени кардинала, облизнула припухшие от праведного труда губы. К горлу под-

катил тошнотворный ком, но она крепче сжала зубы и несколько раз сглотнула. Поднялась с колен, качнув полной грудью с идеальными по форме розовыми сосками. Склонилась смиренно голову и попятилась спиной к выходу. Отойдя на десяток метров, она развернулась и, покачивая крепкой соблазнительной задницей из стороны в сторону, удалилась в соседнюю с залом комнату исполнять наказ. Если бы она опозорилась в присутствии их святейшеств, опорожнив желудок, или выказала отвращение при возможности облобызать священные чресла одного из повелителей мира, то её сиюминутно бы настиг праведный гнев хозяина острова, обезглавившего полтора часа назад послушницу, отказавшуюся принимать участие в священнодействии.

Кардинал проводил её похотливым взглядом. Вот уже пятьсот лет он живет на Агиларе и ему до сих пор не наскучило лицезреть обнажённые женские прелести. Даже напротив. С каждым новым прожитым годом, его желание обладать молодыми послушницами только усиливалось. Он мог несколько часов подряд втыкать в них свой священный член, меняя одну обворожительную красавицу, готовую исполнить любую прихоть своего господина, на другую. В связи с этим он принял решение достроить здание монастыря, чтобы увеличить количество молоденьких послушниц вдвое, доведя тем самым их количество до двухсот.

Ежегодно, среди множества монастырей, разбросанных на территории огромной империи, отрядами инквизиторов,

подчинявшихся лично кардиналу, проводились отборы послушниц. Их оценивали по многим критериям. Соискательница нового назначения должна была быть кроткой, послушной, отличаться от сверстниц особой красотой, обладать пластичной грацией и иметь тело, подходящее под описание. Но самым главным пунктом значилось то, что она должна была быть невинной, то есть девственницей. Каждый монастырь держал на заметке подходящих под необходимые требования девушек, в семьях, находившихся на подконтрольной монастырю территории. После того, как девочка расцвела и становилась девушкой, за ней приглядывали постоянно, пресекая все попытки молодых семинаристов «испортить» сокровище, приносившее впоследствии благосклонность кардинала вкупе с щедрым вознаграждением её семье и монастырю.

Супружеские пары, в семьях которых появлялась девушка, становившаяся впоследствии особой послушницей, были на седьмом небе от счастья. Ведь теперь их дочь, их кровное дитя, до конца своих дней находилось под покровительством самого кардинала, обеспечивающего необходимый присмотр и дарующий особую судьбу совместному ребёнку. К тому же, это разгружало натянутый до предела семейный бюджет. Ведь каждая женщина, вышедшая замуж, по настоятельной рекомендации святой церкви, должна была за всю свою жизнь произвести на свет не менее шестнадцати детей. Тем, кому удавалось исполнить сей святой долг перед империей

и Господом Богом, назначалась дополнительная финансовая поддержка. Женщина освобождалась от дальнейшей работы и могла посвятить всё своё свободное время семье. Стариков, за которыми нужен был круглосуточный уход, в семьях не было. Потому как, по настоянию всё той же церкви, их провожали в иной мир по достижении шестидесятипятилетнего возраста. Они уходили с почестями, заслуженными при жизни.

Специальный корпус инквизиторов, под кодовым названием «тень», зорко следил за соблюдением правил, установленных святой церковью. Их члены находились во всех сферах деятельности церковного ордена. Проще говоря, это были наблюдатели за наблюдателями. Если им вдруг удавалось обнаружить заслуженного старца, не желавшего добровольно покинуть бренный мир, дабы не обременять его своим существованием, вся его семья по мужской линии, укрывающая непреклонного старика, исчезала в тот же день, когда обнаруживался акт неповиновения. Приходского аббата вызывали в окружной суд, где судебный викарий выносил ему наказание за недосмотр. Обычно всё заканчивалось тем, что аббата увозили в застенки ближайшей резиденции кардинала, где над ним днём и ночью трудились инквизиторы. Поэтому в избавлении от стариков были заинтересованы все и от них старались избавиться заранее, дабы не навлекать на себя праведный гнев святой церкви.

Негласный глава кардиналов окинул хозяйским взором

блистающий золотом зал совещаний. Все сорок кардиналов были заняты важными делами. Кто-то, развалившись в кресле, позволял юным послушницам пробовать на вкус священный скипетр империи. Кто-то, пристроившись сзади к упругим задницам, энергично вколачивал свой инструмент в промежность стонущих от удовольствия девушек. Но находились и те, кто не ограничивался одной лишь партнёршей. Священная оргия вошла в пиковую фазу и её завершение, по обыкновению, открывало ежеквартальный собор высших правителей империи. Как только кардиналы насытят плоть, избавившись от притяжения земных прихотей, они сразу же приступят к обсуждению насущных проблем, требующих их личного вмешательства.

Клорад вышел на балкон под лучи нещадно палящего солнца. Окинул взглядом бухту. У причалов покачивались на волнах роскошные яхты гостей. Кардинал бросил через плечо полный презрения взгляд.

– Разряженные ублюдки! – сказал он с отвращением. – Потешьте плоть свою, пока я вам разрешаю. Скоро придёт время и вам пополнить ряды священномучеников.

Он поглядел на противоположную от монастыря сторону острова. Его губы растянулись в довольной ухмылке. Никто из присутствующих в зале заседаний, за исключением старшей игуменьи, не подозревал, что находится в расщелине между двумя холмов, прикрытой от любопытных глаз разросшимися тропическими деревьями. Там было будущее.

Оплот новой империи. Это было место, где с младенчества возвращались бойцы корпуса «Тень» – инквизиторы его святейшества. В ближайшем будущем их должен возглавить «верховный жрец» – единственно признанный кардиналом среди сотни отпрысков сын.

Порус. Прибрежный город Горячего моря

Маврий захлопнул дверцу такси. Несколько минут он нерешительно потоптался у ворот церкви. Его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны он хотел пройти обряд посвящения в мужчины, чтобы, наконец, предложить Игнессе стать его женой. С другой стороны он боялся неизвестности. Эти шрамы... Их было так много! Он видел их у отца и старших братьев. И по опыту знал, что шрамы остаются после ран. Если шрамов много, то и ран должно быть много. В глубине души он осознавал, что трусил. Но, если он вернётся домой без причастия, его засмеют знакомые и родственники, а Игнесса не будет считать его достойным, чтобы создать отдельную семейную ячейку. С этим парень смириться не мог.

– Эх, – вздохнул он обречённо, – была не была!

Он быстрым шагом направился к входной двери и решительно её распахнул. В церкви царил загадочный полумрак. С высоких витражных окон на него взирали великомученики, признанные писанием единой церкви святыми. На них были запечатлены сцены принесения в жертву последователей новой веры, учиненные глумливыми еретиками на заре

новой эпохи. При виде кровавого побоища, запечатлённого рукой великого мастера прошлого, канувшего в глубине веков, решительность парня стала стремительно таять, словно пар, выпущённый из компрессорного котла на волю.

– Господь всемогущий, Иисус Христос! – парень забормотал молитву. – Спаси душу грешную мою и придай храбрости сердцу моему, дабы пройти с достоинством все испытания на пути моём. Избавь мысли мои от шёпота Лукавого, дабы не убоялся я испытаний, кои ждут меня впереди. Придай смелости и освети путь мой взором Твоим, дабы видел я направление, коим идти мне надобно...

Пока он шёл к алтарю, бормоча под нос молитву, над ним чудесным образом загорался свет, что придавало молитве ещё больше мистической силы, наполняя сердце молодого человека отчаянной решительностью. Он повернулся в сторону исповедали и, отбросив все сомнения, направился твёрдым шагом к невысокой дверце, за которой его ждало счастливое будущее.

– Что привело тебя в обитель Бога, сын мой? – донёсся смиренный голос священнослужителя из зарешеченного мелкой сеткой окошечка, когда парень присел на лавку.

– Я... мне... здравствуйте! – нерешительно промямлил Маврий. Он не знал, с чего, в таких случаях, стоит начинать диалог.

– Не стесняйся, сын мой, – подбодрил его голос. – Пред Богом мы все – дети Его. Плохое ли, хорошее ли – всё Ему

ведомо задолго, прежде чем произойдёт. Поэтому отринь сомнения и открой душу свою спасителю. Что тяготит душу твою, сын мой?

– Ничего не тяготит, святой отец, – ответил Маврий испуганно. – Мне... мне нужно исповедаться перед женитьбой. Я хочу пройти обряд очищения, – выпалил он скороговоркой, чтобы слова не успели застрять в горле.

– Твёрд ли ты в намерении своём? – спросил голос, обволакивая мягкой бархатистостью.

– Твёрд, как никогда, – парень ожесточённо кивнул.

– Досчитай до единицы от десяти, – сказал священнослужитель, – и мы приступим.

Священник звонко, как будто радостно, хлопнул в ладоши, окошко захлопнулось и с шипением встало в пазы. В то же мгновение из скрытого такой же мелкой сеткой отверстия в стене под самым потолком повалил густой едкий пар. Маврий несколько раз тяжело вздохнул и потерял сознание, безвольно съехав со скамьи на пол.

Очнулся он от ощущения холода, пронизывающего тело насквозь. Было темно и страшно. Маврий попробовал пошевелиться и понял, что лежит распятым на ледяной поверхности и на нём нет одежды.

– Эй! – выкрикнул он дрожащим голосом в темноту. – Эй! Есть тут кто-нибудь? Э-э-эй!

От страха парня начала бить мелкая дрожь. Он не понимал, где находится и как здесь очутился. Словно в ответ на

его вопрос помещение озарилось яркой вспышкой ослепительного света, больно ударившего по глазам. С шипением отворилась дверь. Он повернул голову на звук. В комнату вошёл мужчина в одеянии митрополита. Священнослужитель подошёл к распятому на хирургическом столе парню.

– Будь твёрд сердцем, аки камень. И чист мыслями, аки вода, – прошептал он тихо, обращаясь к Маврию. – Пусть тело твоё испытает боль, которая очистит душу твою от греха...

Парень попробовал освободиться, дёрнувшись всем телом, но широкие кожаные ремни прочно удерживали его на месте.

– Что... что вы собрались со мной делать? – воскликнул он.

Священник, закатив глаза, прикрыл его рот ладонью, приклонив палец другой руки к своим губам.

– Тсс...

В комнату вошли ещё три человека, сопровождаемые мерзким шипением герметичной двери. С накинутыми поверх чёрных, обтягивающих крепкие фигуры, одеяний, силиконовыми фартуками, широко применявшимися мясниками заготовительных цехов. На шее одного из них висел большой золотой кругляш с загадочными письменами и изображением раскрытого глаза.

– Заканчивай нести свою ересь! – сказал он не терпящим возражения голосом, обращаясь к митрополиту. – Твоя бол-

товня сейчас бесполезна.

Митрополит смиренно сложил руки на массивном золотом кресте, свисающем на цепи с заплывшей жиром шеи, и вперил взгляд в пол, стараясь не смотреть в глаза носителю загадочного знака.

– Думаешь, твои рассказы про святое искупление ему помогут? – продолжал напирать на священника носитель кругляша.

Митрополит сильнее сжал распятие и склонил голову ниже, боясь поднять взгляд. Он сильнее сомкнул уста, чтобы не выдать свой страх дрожанием губ.

– Пошёл вон! – сказал незнакомец с презрением. – Когда можно будет оприходовать парня, мы тебя позовём.

Священник развернулся на месте, мазнув напоследок похотливым взглядом по обнажённому телу Маврия, и, не медля ни секунды, покинул помещение.

– Теперь, ты. – Неизвестный обратился к распятому юноше. – Можешь орать, сколько вздумается. Всё равно тебя никто не услышит. Искренне отвечай на вопросы, которые будет задавать мой ассистент. А чтобы ты не надумал водить нас за нос, я буду отрубать от твоего тела кусочек за кусочком и показывать тебе. Пока правда не польется из тебя ручьём, как из рога изобилия.

В его руке появился блестящий хромом большой хирургический нож.

– Что? – не понял ошалевший от услышанного парень. –

Какую правду?

Его голова мотнулась в сторону от чудовищного удара в скулу, от которого перед глазами поплыли круги.

– Вопросы здесь задаю я! – процедил незнакомец сквозь стиснутые зубы. – Но! – он театрально поднял нож вверх. – Чтобы ты понял всю серьёзность моих слов, я лучше продемонстрирую небольшую часть того, что тебя ждёт впереди.

Свистнул рассекаемый лезвием воздух и Маврий почувствовал толчок в руку. Лезвие глухо дзенькнуло о металл стола и мгновением позже рецепторы парня взорвались оглушающей сознание болью.

– А-а-аа! – громко взвыл он.

Человек с кругляшом нагнулся к лицу юноши, зажимая его рот рукой.

– Ну, хоть бы один стоически перенёс боль! – посетовал он, поворачиваясь к напарникам. – Всегда одно и то же. Орут, как свиньи. Завяжи ему рот. – Сказал он тому, что был без скрижали в руках.

Второй достал из-за пояса толстую тряпку и сноровисто, будто делал это не в первые, прикрыл ею рот парня. Мучитель заглянул парню в глаза, залитые невольно выступившими слёзами.

– Это только начало, – прошептал он, облизнув один глаз, и громко причмокнул. – Н-ц-а-а-а! Я чувствую, что грехов за тобой водится немало, – сказал он проникновенно.

Он нашарил рукой отсечённую кисть и показал её

Маврию. Повертел в руках, давая молодому человеку наслаждаться зрелищем.

– А хватку я ещё не потерял! – воскликнул он обрадовано, обращаясь к чёрным. – С одного удара отхреначил!

От вида отрубленной кисти парень провалился в беспмятство.

– Слабак! – резюмировал мучитель. – Я думал, что он продержится хотя бы до ступни, – сказал он разочарованно.

– Ты продул мне очередь в дом терпимости, – напомнил ему напарник со скрижалю в руках.

– Знаю! – раздражённо бросил мясник. – Делай своё дело и захлопни пасть, если не хочешь оказаться на месте этого бедолаги!

Мужчина бросил отрубленную кисть в большой контейнер с питательным раствором, не дававшим омертветь отсечённой конечности. Вытянул из-под стола объёмистый кейс и положил на стол.

– Почему ты всё время ставишь на то, что они продержатся дольше обычного? – спросил его напарник.

– Потому что во мне живёт вера, в отличие от тебя! – важно заметил старший.

Повозившись некоторое время со сканером отпечатка, он его открыл. Внутри находился инструмент, необходимый для проведения дознаний в полевых условиях. Электропила, металлические штыри разного размера, ручная пила, зубило, молоток, ножи, иглы, крюки, клещи и многое другое. А

венчал гору хромированного инструмента остро наточенный топор с широким лезвием. Он провёл пальцем по внутренней стенке кейса.

– Кто проверял инструмент? – спросил он строго.

Оба напарника испуганно переглянулись.

– Я, – отозвался тот, что приготовился подробно записать ответы парня в электронную скрижаль, которая будет по окончании обряда приобщена к обширному архиву окружного отдела управления веры.

Мучитель показал ему измазанный грязью палец.

– Это что? – с ледяным спокойствием спросил он.

– Виноват, – отозвался третий. – Сейчас исправлю.

– Ты уж постарайся! Сейчас парнишка очнётся, а у нас ничего не готово. Представляешь, как он расстроится? Тащи инструмент в дезинфектор. Живо! Не хватало нам ещё заразу занести.

Третий мужчина поспешно отложил скрижаль в сторону, захлопнул кейс и удалился. Главный мучитель размял плечи, несколько раз энергично сжал руки и выудил из выдвижного ящика аптечный кейс с переливающимся логотипом корпорации «Шимоку».

– Долбаный бюрократ! – пробурчал он себе под нос недовольно.

Сухо щёлкнули замки.

– Так, так, так! – проговорил он, разглядывая содержимое кейса. – Что нам понадобится? Вот это, – он отложил

несколько шприцов с надписью содержащихся внутри препаратов, – это, это и вот это.

На столе появились необходимые принадлежности. Он выудил из кейса автожгут и прислонил к культе парня. Прибор тихо пискнул и плотно обхватил кровоточащий обрубок, избавляя того от потери крови. Мясник выудил питательный раствор с длинной трубкой мультисиликона, оканчивающейся длинной иглой, повесил его над столом и одним движением вогнал острое жало в ярёмную вену.

– Теперь порядок! – сказал он, довольно потирая ладони. – Можно продолжать.

– Может, нарубим его кусками, а потом бросим в регенератор, пока он без сознания? – предложил второй.

Первый пожевал губами.

– Нет, – ответил он. – Так дело не пойдёт. С чего это вдруг, мы должны сделать для мальчика исключение? Для них, – он ткнул в парня пальцем, – это традиция, жизненно важный обряд! К тому же, у нас есть ряд вопросов, которые мы обязаны ему задать. Не будем нарушать утверждённую властью процедуру дознания? Или ты считаешь, что можешь изменять придуманные не тобой правила? – спросил он напарника с подозрением.

– Нет! – ответил тот испугавшись. – Конечно же, нет! Я просто внёс предложение. Вот и всё! – он поднял обе руки вверх.

– Предложение отклонено, – сказал первый, протирая за-

ляпанный кровью нож. – Многомудрый владыка является старейшим жителем Агилары. Я бы его сравнил с архангелом, а точнее с серафимом, господствующим над всем живым. Или динозавром. Только он имеет право изменять существующие законы...

Второй мужчина громко прокашлялся, прерывая речь обладателя кругляша.

– Простите, что перебиваю ... – сказал он нерешительно.

Первый, не скрывая недовольства, зло глянул в сторону напарника.

– А кто такие динозавры?

Первый удивлённо поднял бровь. Мало кто из корпуса проявлял столь выразительную любознательность.

– Это, по большей части, огромные животные, жившие на нашей планете много миллионов лет назад, – пояснил он. – Динозавры – это их общее название.

– А бывают заврозавры? – полюбопытствовал второй мужчина.

Обладатель отличительного знака внимательно уставился на напарника.

– Ответь мне честно на один вопрос... – он прищурил взгляд.

– Да?

– Ты идиот?

Второй оглядел себя, будто ответ был написан на униформе.

– Вроде как, нет, – сказал он растерянно.

– Тогда не задавай idiotских вопросов, – носитель кругляша отвернулся к скованному парнишке. – Два кубика эпинефрина, – потребовал он, протянув руку.

Второй быстро метнулся к столу и схватил шприц. Владелец кругляша сделал для себя пометку, что это не единственный образец, испытывающий склонность к idiotизму. Все они принадлежали к отпрыскам одного из кардиналов дневного ордена. Нужно будет незамедлительно доложить владыке о нарушениях в гено типе второго поколения. Кардинал Аттикус слишком увлёкся употреблением наркотических веществ, почувствовав собственное всемогущество, что повлекло за собой необратимые изменения в цепи ДНК. И это только предварительное заключение при поверхностном изучении подчинённого. Стоит копнуть глубже, и таких изменений выявится гораздо больше. В этом он был убеждён. Во время второго «затишья», как охарактеризовал мучитель бессознательное состояние испытуемых, он свяжется с кардиналом Клорадом и изложит свои наблюдения.

Носитель бляхи воткнул иглу, впрыскивая препарат в сердце парня. Его тело несколько раз дёрнулось и он открыл глаза.

– Продолжим нашу беседу, – сказал первый, отсвечивая полированной поверхностью ножа на лицо Маврия.

– Что вы делаете со мной? – простонал парень. – М-м-м. Моя рука... где она?

Носитель знака взмахнул ножом ещё один раз. Глухой стук, и вторая кисть отделилась от руки. Парень взвыл. Мучитель наложил автожгут на обрубок.

– Это было повторение первого правила, которое гласит, что вопросы здесь задаю я, – прошипел он в лицо парня.

Он увидел, что парень закатывает глаза и отвесил ему звонкую пощёчину. В этот момент в комнату вошёл третий участник дознания. Он поставил кейс на стол, вернулся на своё место, готовый вести подробную запись тайнодействия. Первый проверил содержимое и довольно осклабился.

– Вряд ли у тебя выйдет вырубиться, – сказал он. – Я вколол тебе большую дозу бодрящего состава. Так что теперь ты сможешь полностью насладиться болью, – он воткнул нож в ногу парня.

– Ай-яй! – закричал распятый. – Я всё... я всё скажу... всё!

– Правда? – мучитель провернул лезвие в ране, явно наслаждаясь причиняемыми мучениями.

– А-а-а! Да, да! Правда! Я всё скажу! – запричитал парень. – Только не надо... не надо больше! Прошу, умоляю! Ради всего святого, ради Иисуса Христа!

Первый зло фыркнул. Повернулся ко второму.

– Руби! – приказал он ему. – Вот здесь.

Под дикий визг парня он разрезал мышцы на бедре, упёршись остриём в кость. Второй замахнулся топором и с силой опустил, отсекая ногу напрочь. Новая боль накрыла пар-

ня волной. В его глазах помутнело и его начало выворачивать. Чтобы он не захлебнулся собственной рвотой, первый щёлкнул замками и перевернул стол вместе с прикованным парнем вокруг оси. Когда тот опорожнил желудок до конца, он вернул стол в исходное положение, наложил автожгут на ногу и впери́л в посеревшее лицо испытуемого изучающий взгляд.

– Прежде, чем мы приступим ко второй фазе нашего милого общения, – сказал он с ленцой, – позволь задать тебе первый вопрос.

Маврий открыл потяжелевшие веки. Он понял, что лучше всего молчать, пока его не спросят. Он медленно кивнул.

– На кого ты работаешь?

Маврию вопрос был не понятен, но он лихорадочно искал в голове односложный ответ, который бы удовлетворил мучителей и они, наконец, от него отстали.

– Я учусь, – прошептал он тихо.

– Что?! – первый склонился над его лицом. – Повтори.

– Я учусь... в коллежде святого Павла, – прошептал Маврий.

Мучитель разочарованно посмотрел на парня, повернулся к напарнику и кивнул. В воздух взвился топор и опустился вновь. Только теперь его целью стала левая ступня, не пожелавшая отделиться от тела с первого раза. Напарник промахнулся, перерубив голенную кость. Маврий вяло вскрикнул и провалился в спасительное беспмятсство.

– Ну вот. Опять! – сказал главный. – Тащите его в регенератор, пока он тут ласты не склеил.

Мужчины сноровисто расстегнули ремни. Второй взвалил обезображенное тело парня на плечо и исчез за дверью соседнего помещения, представлявшего из себя современный отсек для оказания помощи при тяжёлых увечьях. В просторной, ярко освещённой комнате, блистающей стерильной белизной, располагался автоматизированный медицинский модуль последнего класса. Мужчина уложил парня в ложе, приставил на место отсечённые конечности и опустил сетакриловый колпак. Автодок просканировал тело, собирая информацию о повреждениях. При помощи манипуляторов снял автожгуты и приступил к процессу собирания единого тела из его частей. Спустя двенадцать минут на месте соединения обрубков с телом красовались аккуратные розовые рубцы пятимиллиметровой ширины. Автодок провёл повторную диагностику, ввёл необходимые инъекции. Обколол парня противошоковым препаратом, восполнил организм необходимым количеством потерянной крови, ввёл несколько доз стимулятора и раскрылся, предлагая забрать пациента.

Второй сграбастал парня в охапку и, пока тот не пришёл в себя, отнёс на металлическое распятие. Его снова сковали ремнями.

– Приведи его в чувство, – потребовал первый.

Второй мужчина сунул под нос парня тампон, смоченный

остро пахнувшей жидкостью. Маврий инстинктивно дёрнулся и открыл подёрнутые лёгкой дымкой глаза.

– Где я? – еле-еле проговорил он.

Он попытался поднять руку, чтобы помассировать лицо, но не смог. Маврий перевёл взгляд на скованное ремнями тело и его взгляд наполнился страхом.

– Не-е-е-т! – закричал он, пытаясь освободиться от пут. – Этого не может быть!

– Очень даже может, – сказал ему первый, как только парень перестал блажить. – Вы снова вернулись к нам, мой дорогой друг.

– Отпустите меня! Я ни в чём не виноват.

Первый заткнул его рот рукой.

– А вот для этого мы и находимся здесь. Чтобы определить вашу причастность к противоправным актам, направленным на подрыв доверия к святой церкви. Как только мы удостоверимся, что вы законопослушный гражданин империи, вы будете тотчас же освобождены. Мы восстановили ваше тело, в чём вы можете убедиться.

Парень скосил глаза в сторону отрубленной недавно кисти. Пошевелил пальцами, перевёл взгляд на другую руку.

– Всё верно, – произнёс первый, – всё на месте. Мы можем повторять процедуру до бесконечности, пока не услышим нужные нам ответы.

– Я ни на кого не работаю! – крикнул Маврий.

– Верю, верю! – первый погладил его по голове. – Но не

до конца.

Он кивнул головой напарнику. Тот снова поднял свой чудовищный топор и с хеканьем рубанул по ступне, отлетевшей в сторону.

– А-а-а! Хватит! – закричал парень. – Хватит! Я сказал всё, что знаю.

– Не всё! – первый с размаху припечатал ладонь у головы Маврия.

– Да, пошёл ты! – бросил зло парень в лицо мучителю. – Чтоб ты сдох, сволочь!

– О! – обрадовался первый. – А вот это уже больше похоже на искренность! Только я тебе не советую изрекать грязные ругательства в адрес представителей святой церкви, – он снова кивнул своему напарнику.

Топор взвивался в воздух и опускался вновь и вновь. Маврий впадал в беспамятство от испытываемой боли и возвращался, чтобы ощутить её снова. Снова и снова. И так до бесконечности. Его резали, разрубали, распиливали и снова резали. Выдёргивали ногти и зубы, снова возвращали к жизни, чтобы задавать не имеющие никакого смысла вопросы, и снова расчленяли на части. В какой-то миг он очнулся от ритмичных толчков, ощущая себя лежащим на животе. Маврий приоткрыл веки, упёршись взглядом в окровавленные обрубки рук, перехваченные автожгутом. Он был свободен от оков, но убежать не смог бы при всём своём жела-

нии. Его ноги были обрублены в коленях. Сзади кто-то истово сопел, ухватив его за талию. Он скосил взгляд. Это был священнослужитель. Он пристроился к парню сзади и, тихо бормоча молитву себе под нос, самозабвенно вгонял в него свой возбуждённый отросток. У Маврия выступили слёзы. Никогда до этого он не чувствовал себя настолько раздавленным и униженным. Сил сопротивляться больше не было.

– Всё! Хватит! – услышал он голос первого. – Не много ли тебе будет, монах? На третий заход пошёл.

Мясники весело заржали. Тот в ответ пробурчал нечто нечленораздельное, но непотребного дела не прекратил. Через десяток толчков он крепче обхватил парня, прижимаясь теснее, и блаженно застонал, пуская тягучие слюни с перекошенного спазмом рта.

– Воистину велик Господь! – воскликнул он, сотрясаясь всем телом. Вынул обмякший член на свет божий, опустил рясу и, смиренно склонившись, покинул помещение.

– Закругляемся! – скомандовал главарь. – Оттащите его в регенератор и прополоскайте мозги.

Маврия стащили со стола и уложили в автодок. Он закрыл глаза и провалился в бездонную пустоту, поглотившую сознание целиком...

Глава 3. Бразды правления

Внутреннее море Горячего континента. Остров Ферзия

Вызов санктикома застал Его преосвященство кардинала Клорада за обходом собственных владений, куда вход дру-

гим кардиналам был закрыт. По большому счёту, никто из святейшеств, присутствующих на священном соборе, и не подозревал, какие тайны сокрыты на нижних ярусах блистательной резиденции, воздвигнутой на горе Ферз. Помимо известных этажей, расположенных на поверхности возвышенности, вилла имела подземный многоярусный бункер, находящийся под круглосуточным наблюдением охранных комплексов «архангел», андроидов шестого поколения с искусственным интеллектом четвёртого класса, позволявшим принимать самостоятельные решения в рамках заложенной программы. Со временем, при планировании защиты святая святых своего жилища, кардинал решил исключить человеческий фактор, справедливо полагая, что автоматические системы будут защищать его детище намного эффективнее нескольких отрядов корпуса «тень». Для того, чтобы попасть на нижние этажи, достаточно было спуститься в погреб, где в громадных пузатых бочках выстаивались «ангельские слёзы». Добраться до дальней стены, прикрытой полупрозрачной плёнкой силового поля, и предъявить сканеру сетчатку глаза. За стеной, в просторном холле, был оборудован оплот стражей, где нужно было пройти расширенный биометрический анализ, сочетающий в себе многопозиционное сканирование тела и пробу ткани для сверки образца ДНК с эталоном.

На плоской панели санктикома он видел лицо тайного викария, апостола «чистильщиков», на фоне безупречной

белизны регенерационного отсека одного из многочисленных узилищ церковей святого причастия, щедро разбросанных по просторам обширной империи. Среди инквизиторов считалось особой заслугой стать апостолом подобного отряда. Ведь нет ничего прекраснее того, как направлять заблудшие души по верному пути, очищая их испытанием телесной боли. К тому же, эта процедура позволяла на ранней стадии выявлять смутьянов, подрывающих веру добропорядочных граждан, как завещал Сын Божий отделять зёрна от плевел. Потом и кровью, безмерными страданиями и молитвами очищались души прихожан от скверны, разлагающей личность.

– Слушаю! – бросил раздражённо кардинал.

Вызов отвлёк его от очень важного занятия. Он собирался обратиться с молитвой к великомученицам, заточённым в застенках второго яруса. Дабы крепились они душой и утвердились в вере, что страдания их не напрасны.

– Прошу прощения, Ваше преосвященство! – тайный викарый почтённо склонил голову. – Но у меня сообщение, не требующее никаких отлагательств.

– Говори, – разрешил ему Клорад.

Он узнал Гавриила, апостола седьмой группы «чистильщиков», отпрыска своего семени. Преданного служителя новой веры и владельца незаурядных талантов, среди которых дознание, отречённых от лона святой церкви, с применением стандартных методов было отмечено особой строкой в лич-

ном деле.

– Меня беспокоит брат мой во христе Пётр, отпрыск святого семени кардинала Аттикуса. Его способности адекватно воспринимать новую информацию ставит под сомнение необходимость включения в почётный отряд «чистильщиков душ».

– Есть ещё что-нибудь, кроме этого недостатка?

– Нет, Ваше преосвященство.

– После завершения обряда очищения отправь его в окружной отдел управления веры. Необходимое распоряжение я вышлю.

– Да, Ваше преосвященство, – апостол с преданностью цепного пса устоялся на кардинала.

– Твои успехи на поприще тайного викария радуют меня, Гавриил! – похвалил его Клорад. – Я давно подумывал о том, чтобы назначить тебя старшим апостолом корпуса. Служи ревностно, не жалея сил ни душевных, ни плотских, и зачтётся тебе по заслугам.

– Во имя святой веры! – воскликнул Гавриил, выбросив перед собой правую руку в приветственном жесте.

Кардинал свернул изображение. Это был не первый тревожный сигнал об отпрысках Аттикуса. В последнее пятидесятилетие заявления от апостолов других групп относительно упомянутых чад заметно увеличилось. Похоже, «благородный» кардинал не внял словам разума, лившимся из уст Его преосвященства.

– Что ж! – сказал он сам себе. – Все мы дети Божии и не застрахованы от наветов Лукавого. Придётся с ним поговорить на другом языке.

Он вернулся к делам. Игуменья третьей ступени посвящения как раз закончила наполнять большой серебряный сосуд слезами узниц, демонстрируя похвальное служебное рвение во имя блага святой церкви. По всему второму ярусу, представлявшему из себя огромный светлый зал не менее двух тысяч квадратных метров, были расставлены особые лежа, к которым были крепко пристёгнуты «падшие ангелы», девушки-послушницы по тем или иным причинам не угодившие кардиналу Клораду. Кто-то из них имел строптивый характер, не позволявший своей владелице с покорностью принять новое положение вещей, по которым она становилась, отныне и навсегда, приобретением кардинала. Кто-то «отслужил» свой срок, не имея возможности произвести на свет здоровое потомство. Кто-то чересчур быстро потерял свою красоту и увял, не вызывая желаний Его преосвященства. Находились и такие, которые своими лживыми речами обращались к другим послушницам, подрывая их веру в святую избранность ради великого будущего новой церкви. Неважно, по каким причинам девушки попали в застенки «последнего пристанища», ибо сейчас они отдавали свой последний долг вере, став источником сырья для производства «ангельских слёз».

Здесь их заставляли рыдать горячими слезами, истязая

тело очищающими душу пытками. У всех без исключения были видны следы принуждения. Зарубцевавшие от времени раны и совсем свежие следы вырезанных со спины, ягодиц и ног, клочков кожи. Подвергнутые кислотному воздействию оголённые мышцы со вставленными между волокнами проводами, на которые периодически подавались короткие импульсы тока. Вывернутые из суставов пальцы и отсечённые конечности. В конце дня, когда знойное солнце экватора скроется в изумрудных водах моря Слёз Грешников, девушек накачают снотворным и перенесут в регенераторы, где их тела приобретут былую целостность. Их подключат к аппаратам поддержания жизнедеятельности, вводя необходимые витамины, воду и питательные вещества. А с рождением нового дня процедура возобновится. До тех пор, пока их слёзные железы не перестанут выдавать дневной объём столь ценного для производства превосходнейшего вина ингредиента. Тех, кто не оправдал чаяния игумений, отправят на нижний, лабораторный, уровень, где ими займутся исследователи телесных возможностей.

Каким бы махровым христианином ни казался кардинал Клорад, он всегда был на стороне прогрессивной науки, призванной продвигать человеческую цивилизацию в будущее. В тот светлый миг, когда каждый житель на Агиларе будет до кончиков ногтей предан святой церкви со стоящему в её главе единовластному кардиналу. Ведь именно наука положила начало его бессмертию.

Всё началось чуть более пятисот лет назад. В те далёкие времена, история которых, не без прямого участия самого кардинала, сокрылась за завесой неизвестности. Командующий полком специального назначения, полковник Клорад, исправно нёс службу на научно-исследовательском объекте. Группа гениальных учёных, бившихся над проблемой мгновенного заражения и излечения раковых заболеваний, совершенно случайно сделала потрясающее открытие, при помощи которого человек смог бы существовать неопределённо долгое время. Главное вовремя проходить процедуру очищения организма на клеточном уровне. Единственным побочным эффектом проводимых процедур являлась потеря организмом меланина, в результате чего всех «долгожителей» можно было определить по цвету кожи и кипельно-белой растительности на всём теле. Радужка глаз теряла пигмент, становясь сначала голубой, а после многочисленных процедур и вовсе выцветала.

В то время фармацевтические корпорации обрели настолько невиданную мощь, что стали явной помехой государственному устройству и грозили низвергнуть мир в состояние лекарственной зависимости, но военные ведомства не желали упускать инициативу из рук и занимались своими исследованиями. С тех пор, как Клорад стал командующим и с головой окунулся в мир тайн, недоступных простому обывателю, он круто изменил своё видение мироустройства. По-

сле того, как на стол полковника лёг подробный отчёт о совершённом прорыве, в его голове образовался чёткий план дальнейших действий. Он понимал, что планета находится на пороге глобальной войны, грозящей разрушить её до основания. Как любой нормальный человек, он делился своими мыслями с боевыми товарищами, прошедшими вместе с ним сквозь горнило локальных конфликтов, вспыхивающих на планете с регулярным постоянством. В конце концов, они единодушно сошлись во мнении, что неплохо было бы изменить воззрения каждого человека по отдельности и общества в целом, прекратив бессмысленное уничтожение себе подобных. В то же время, каждый из них понимал, что построение нового общества невозможно без тотального разрушения прежнего строя, массовых убийств и геноцида отдельно взятых народов.

Для воплощения в жизнь задуманного плана нужна была государственная поддержка нескольких стран, желающих получить один и тот же результат во благо общего процветания, и многомиллионная армия профессиональных военных. Однако, ни того, ни другого у единомышленников не было. И в тот самый момент, когда полковник Клорад дочитал последнее предложение доклада, он понял, что время ещё не потеряно и можно одним ударом пошатнуть основы сразу нескольких государств, вторгнувшись в пределы нематериального мира, при помощи духовного манипулирования, инструмент которого находился на объекте но-

мер шесть.

Сам полковник, столкнувшись с жестокими реалиями этого мира, не страдал какой бы то ни было религиозной зависимостью, полагая, что всё творимое добро, как, впрочем, и всё зло, является отражением мысленного процесса человека, попавшего в ту или иную ситуацию. За время, проведённое в горячих точках планеты, он в досталь насмотрелся на религиозных фанатиков, слепо бредущих безоружными толпами на ощетинившиеся стволами военных амбразуры. В этот момент их поддерживала вера, обещавшая мученикам райскую жизнь после смерти. Попадали ли они в рай на самом деле или нет, полковнику было глубоко наплевать. Расстреливая тех самых фанатиков, он исполнял свой долг перед родиной, давшей ему образование, работу и смысл существования. Но их самопожертвование навсегда въелось в его сны, заставляя просыпаться посреди ночи в холодном поту.

Поскольку Клорад являлся единственным связующим звеном между научной лабораторией и вышестоящим начальством, в лице чиновников министерства обороны, то о свершённом открытии он решил умолчать. Конечно, это вселяло определённый страх перед неожиданным появлением проверяющих органов, желающих лично убедиться в целенаправленном использовании выделенных финансовых средств и научного персонала. Но полковник был уверен, что вышеназванные органы ещё не скоро заявятся с проверкой, поскольку до этого времени объект номер шесть не отличал-

ся какими-либо научными достижениями и на особом учёте проверяющих органов не состоял, что давало серьёзную форму заговорщикам. Клорад изолировал подопечный объект от внешнего сообщения, взяв под личный контроль проводимые исследования. Со своей стороны он отметил непревзойдённую работу сотрудников научного отдела ценными премиями, чем подстегнул каждого к действиям в том же духе во имя великого будущего своей страны.

Спустя год у полковника окончательно оформилась концепция переустройства мира, основанная на религиозном фанатизме людей, ставшими свидетелями настоящего чуда. К этому времени сторонников новой идеи прибавилось и под его началом насчитывалось два десятка сослуживцев, занимавших руководящие должности соседних воинских частей, а также руководители научных лабораторий, проводивших исследования в области робототехники и разработке новейших видов вооружения. Бунтарское течение набирало обороты. К отступникам уже начали присматриваться соответствующие органы, прознавшие о зреющем заговоре высокопоставленных военных чинов, под предводительством которых находились серьёзные силы, способные навести в стране немало шороху.

И вот, настал тот самый знаменательный день, когда на объект номер шесть явились следователи военной прокуратуры, чтобы раскрыть зреющий заговор, а всех участников тёмного дела примерно наказать. Но, в силу своего неве-

дения, они послужили катализатором последующих событий, стремительно захлестнувших сначала округ, а потом всю страну. Перекинувшись на соседние государства в виде оформившейся веры, имеющей своих пастырей, собственным существованием доказывающих истинность преподносимой идеи. Апостолов, свято верующих в искупление грехов, в надежде обрести чистую душу и неуязвимое тело. Пророков, несущих идеи новой веры в отдалённые уголки мира и многочисленную паству, множащуюся в геометрической прогрессии день ото дня.

Дабы неразумные дети божии, собиравшиеся огромными толпами на площадях, прониклись истинной верой, им продемонстрировали хорошо поставленный спектакль с убиением одного из пастырей, несущих созданиям неразумным свет истинной веры. На следующий день толпа вновь собиралась на площадях, но уже в гораздо большем количестве, и собственными глазами видела воскресшего из мёртвых, невинно лишённого жизни, праведника.

«...Склоняли головы грешники и становились на колени пред ними в надежде искупить страшные грехи свои и прикоснуться к святым рукой собственной, чтобы ощутить чудодейственную силу новой веры. Увидеть свет, струящийся из глаз их. И было их сорок, чад, возлюбленных Господом, отдававших жизни свои во имя славы Его, и воскресающих раз за разом с приходом нового дня...»

Выдумывать новое евангелие не было никакого смысла.

Народ сам облекал в слова чудеса, свидетелем которых становился, зачастую приукрашивая события, основанные на невероятном открытии, сделанном в застенках научно-исследовательского объекта номер шесть.

Вполне естественно, что имена членов научной группы, работавшей над прорывной технологией излечения врождённых и приобретённых со временем недугов, так и остались неизвестными широкой общественности. Талантливых учёных, вместе с их коллегами из других отделов, тайно переправили на один из островов внутреннего моря задолго до появления на объекте представителей военной прокуратуры в сопровождении полка штурмовиков элитного подразделения силовых структур. Полковник Клорад приготовил им укромное место в сердце единственной возвышенности острова. Предоставил в их распоряжение самое современное оборудование, которое смог достать. Обеспечил охраной и всем жизненно необходимым, позволив гениям творить во славу великого будущего родной Агилары.

Сейчас он находился именно в этом бункере, спрятанном в горе Ферз, названием своим созвучным с названием острова. Только сейчас это было более усовершенствованное укрытие, поскольку научные достижения последних пяти-сот лет были воистину невероятными и даже человеку достаточно просвещённому могли показаться настоящим волшебством.

Кардинал обвёл просторное помещение удовлетворённым взглядом. Поскольку во время ежеквартального священного собора требовалось его личное присутствие, он решил отложить свой визит в лабораторный комплекс убежища на следующий день. Сегодня вечером состоится торжественное закрытие собора со всеми причитающимися излияниями, венчать которое должно очередное соитие с юными послушницами. Кардиналы разъедутся по своим резиденциям, исполненные удовольствием и желанием приложить максимум усилий во имя святой церкви второго пришествия. А во время их отсутствия он постарается воплотить в жизнь новый проект по укреплению собственной власти во всех далях и весях обширной империи, внедрив на ключевые посты доверенных лиц из инквизиторского корпуса «тень», выдавив тем самым кардиналов с их резиденций силой.

Он повелительным жестом подозвал игуменью, прохаживающуюся меж длинных рядов ложементов с прикованными к ним послушницами. Та не, медля ни мгновения, исполнила его желание.

– Приготовьте сегодня десяток лож, – велел кардинал. – Думаю, сегодня наш чудесный сад пополнится свежими экземплярами.

– Будет сделано, Ваше высокопреосвященство, – с готовностью ответила женщина, подобострастно кланяясь хозяину.

Клорад развернулся к выходу, сделал пару шагов и оста-

новился, вспомнив самое необходимое.

– Да, голубушка, – он вновь посмотрел на женщину пронизывающим взглядом лишённого всякого выражения, – приготовьте к вечерней заре отдельное узилище. К нам придет особый гость! – он ядовито улыбнулся.

– Всё сделаю, как скажете, Ваше сиятельство! – пробормотала женщина, едва сдерживаясь, чтобы не плюхнуться перед хозяином на колени.

Хоть кардинал с благосклонностью принимал желание каждого человека признать его превосходство посредством коленопреклонения, однако, среди своих подопечных столь явного проявления служебного рвения не терпел.

– Человек, служащий мне, должен быть столь же крепок телом, что и духом, – не раз говаривал он своим подчинённым. – Преклонивший же колени единожды, преклонит их снова, но вряд ли в следующий раз это будет сделано предо мною.

К тому же, коленопреклонённый человек, мог прятать в складках своей одежды оружие, которого не видно до тех пор, пока рука, держащая его, не явит свету сталь клинка или, не приведи Господь, древний огнестрел. Чем ближе человек подбирается к небесам, тем тяжелее становится его бремя, от которого готов освободить любой лихой человек, затеявший злодеяние. Кардинал никогда не причислял себя к Богу или возлюбленному чаду Его, ибо в его душе не было ни единого зерна веры. Он, как был сугубо практич-

ным человеком пятьсот лет назад, так им и оставался. Хоть он и имел власть над жизнью, но истинно бессмертным не был. И с каждым новым прожитым годом кардинал становился всё безразличнее к проявлению положительных эмоций. Они сгорали в пламени времени, оставляя после себя сосущую пустоту, которую он восполнял обильными возлияниями, «работой» над подопечными и затягивающимися на несколько дней оргиями с участием молоденьких послушниц монастыря, нередко оканчивающихся кровавой расправой.

Кардинал поднялся в блистающий зал. Присутствующие «единоверцы» пресытились общением с прелестными созданиями, отпустив их приводить себя в порядок для следующего захода, которое должно было состояться спустя несколько часов. Клорад растянул губы в презрительной ухмылке. Наконец-то эти никчёмные создания готовы были приступить к делам насущным! Он всем своим существом ненавидел надоевшие за столетия совместного правления рожи. И ждал момента, когда сможет заменить зажавшихся властью кардиналов своими верными людьми. Однако отвращению своему не давал проявиться. Сегодня он всласть насытится пытками одного из них, представляя, как будет собственноручно лишать каждого присутствующего здесь его драгоценной жизни, после которой ни у кого не останется возможности воскреснуть вновь.

– Перейдём к делу, мои дорожайшие друзья! – обратился

он к собору.

Кардиналы замолчали. Они знали, что перебивать его преосвященство не стоит, поскольку это может вылиться во вполне предсказуемую вспышку гнева. Они прекрасно помнили, как тридцать четыре года назад, во время очередного собора, он лишил жизни кардинала Илионского, осмелившегося его перебить во время обращения к собранию. Кровь тогда хлынула на добрых пять метров, разбрызгиваясь толчками из перерезанного горла. Его тело так и пролежало до окончания священного собора, напоминая каждому присутствующему о тленности бытия и неминуемости расправы над ослушником.

– Ко мне в последнее время начали всё чаще поступать тревожные сигналы с берегов Горячего моря, – Клорад бросил суровый взгляд в сторону кардинала Реция, попытавшегося съёжиться при этом чуть ли не вдвое, но в силу телесной пышности у него этого не получилось. – Да, да, уважаемый Реций! Если мне не изменяет память, сии благодатные места находятся под бдительным оком вашей епархии?

– Да, ваше преосвященство, – ответил он более бодрым голосом, чем требовалось, выдав тем самым своё волнение.

Кардинал криво усмехнулся.

– Как все вы знаете, – он окинул взором собравшихся, – законы церкви предписывают нам жестоко карать неугодных, осмелившихся своим противодействием или иными способами ставить под сомнение принятые нами соглаше-

ния, – Клорад выдержал паузу, разрешая тем самым Рецию сказать несколько слов.

– Всё верно, мой кардинал, – подобострастно откликнулся Реций. – Епархия, находящаяся под бдительным оком Вашего преосвященства, старается следовать каждой букве закона.

– Тогда объясните мне причину вынесения столь мягкого приговора ответчику по гражданскому иску за номером четыре тысячи двести одиннадцать дробь двадцать семь?

– Простите, Ваше преосвященство, – Реций замялся с ответом, открыв рот и лихорадочно вспоминая обстоятельства упомянутого разбирательства. – В последнее время на нас навалилось столько дел, что, признаюсь, я не припоминаю того заседания.

В конце своей оправдательной речи он хотел добавить «хоть убейте меня», но вовремя опомнился. Шутки с кардиналом были плохи и всем зубоскалам, осмелившимся разговаривать с главой в таком тоне, каждое слово выходило боком. Причём вместе с рёбрами и содержимым животов.

– Я вам напомню.

Клорад поглядел на одного из инквизиторов, присутствующих на синоде, слегка кивнув головой. Но стол перед Рецием легла электронная скрижаль, содержащая в себе подробную запись судебного процесса. Кардинал пробежал глазами записи.

– Ах, это! – радостно воскликнул он. – Признаться, мне

ещё ни разу не приходилось расставлять по местам спорные стороны из-за столь абсурдного обвинения.

Верховный кардинал хранил молчание, позволяя высказаться Рецию.

– Один уважаемый гражданин нашей великой империи подал иск в окружной отдел поддержания порядка с просьбой взыскать с ответчика крупную сумму имперских квалидов за нарушение авторских прав на походку, которую он зарегистрировал в соответствующих органах, – пояснил он.

– И что же вы сделали? – поинтересовался глава.

– Мы приняли соответствующие меры. Ответчику назначили штраф, который он должен был выплатить истцу, и сломили обе ноги в голених, чтобы тот впредь не предпринимал попыток плагиата.

– И это помогло? – кардинал удивлённо вскинул бровь.

– Да, Ваше преосвященство. Походка ответчика изменилась.

– Теперь вы станете меня убеждать, что ваши действия основывались на соблюдении законов святой церкви?

Кардинал Реций растерянно посмотрел на Клорада.

– Своими безграмотными решениями вы поставили под удар саму справедливость! – воскликнул Клорад возмущённо. – Приговор, вынесенный окружным судом, слишком мягок. Поясню вам и всем здесь присутствующим, – кардинал глотнул любимого вина. – Подыгрывая так называемому «уважаемому господину», ваша епархия в скором време-

ни будет завалена подобными заявлениями. И теперь любой гражданин будет вправе заставлять вас разбираться со своими глупыми заявлениями, отвлекая от дел более серьёзных. Вы так страстно желаете идти на поводу у этих скотов?! – взвился Клорад.

Реций испуганно вжался в кресло, под давящим взглядом верховного владыки.

– Вызвать истца на повторное расследование, – распорядился Клорад. – Независимо от его результата назначить бастонаду в виде двадцати ударов по пяткам, дабы его походку никто и никогда уже не смог скопировать. Всем, кто осмелится явиться в окружной отдел справедливости с подобными заявлениями, провести указанную процедуру. И ответчику, и истцу. Если инцидент судебного разбирательства повториться, то я попрошу корпус «тень» разыскать вас и, в назидание остальным, распять на дыбе без права восстановления в регенераторе.

Реций мелко затряс головой, боясь отвести взгляд от ледяных глаз кардинала.

– Но это ещё не всё, – холодно проговорил он, упиваясь страхом уважаемого священнослужителя. – Кроме слухов о вашем мягкосердечии, до меня дошли вести о том, что в четвёртом округе Поруса используются фильтры для очистки воздуха во время принудительной кремации ослушников.

Присутствующие кардиналы ахнули от столь неприемлемого акта самоуправства.

– Как вы мне объясните тот факт, – продолжил кардинал, – что количество приобретённых индульгенций в означенном округе не соответствует количеству об их использовании, указанному в отчёте? А отделы кое-как справляются с планом поимки ослушников, зачастую не дотягивая до необходимого минимума. В то время, как остальные округа того же Поруса не страдают от нехватки материала для кремаций и четвертования. Неужели вы хотите мне сказать, что люди вдруг стали святыми? – он усмехнулся.

Напуганный обвинениями Реций беззвучно шевелил губами, не в силах придумать оправданий.

– Это вынуждает меня принять определённые меры, – он подозвал апостола с инквизиторской бляхой на груди. – Возьми десять отрядов корпуса и отправляйся в Порус. Следом за вами я отправлю распоряжение в аббатство. Все стражи справедливости, от семинаристов до диаконов, отныне подчиняются тебе. Вычистите округ от скверны малодушия. Каждый второй гражданин должен быть схвачен и, в наказание оставшимся, казнён на площади в течение двух дней. Приору Роланду я предоставляю особые полномочия, приравнивая его к рангу апостола. Думаю, его помощь будет неоценимой, поскольку у него есть особый талант с блеском разгребать дерьмо, в котором оказался. По моим сведениям, в четвёртом округе активировались язычники. Найти, допросить с особым пристрастием и сжечь на медленном огне.

– Во имя святой веры! – бодро выкрикнул инквизитор, вытянувшись в струнку и выкинув правую руку перед собой.

Он спешно покинул блистающий зал. Кардинал уселся на место. Реций облегчённо выдохнул. Кажется, сегодня кардинал находился в приподнятом настроении.

– Сегодня, уважаемый Реций, я покажу вам то, что другие никогда не видели, – сказал Клорад, не глядя на опального кардинала. – Думаю, вам понравится.

Успокоившийся было Реций вновь покрылся крупными каплями пота, хотя в блистательном зале было скорее прохладно, чем тепло. Его снова забил озноб и до конца собора он просидел, боясь лишний раз вздохнуть или притронуться к изысканным яствам. Остальные кардиналы старались не смотреть в его сторону, чтобы не навлечь на себя гнев Его преосвященства непристойным вниманием к провинившемуся священнослужелю.

Обсуждение назревших проблем подошло к концу. Высокоставленные гости оживились в предвкушении неминуемой оргии. Милые создания выпорхнули из своего скромного укрытия, а кардиналы, с важным видом знатоков женских прелестей, принялись расхаживать среди оробевших девушек, ощупывая их задницы и грудь, в попытке подобрать подходящую по вкусу «сладострастную развратницу».

Глава совета с презрением рассматривал кардиналов, столпившихся около обнажённых девиц. К его глубочайшему сожалению, тех девушек, кто понесёт от пристально-

го внимания гостей, придётся перевести на нижние этажи. Часть из них пополнит «райский сад», а другой будет дарована редкая возможность выносить дитя во чреве.

Всех рождённых мальчиков игуменьи-прислужницы выхаживали в казармах, скрытых за пышной растительностью деревьев, в низине, у подножия горы Ферз, с противоположной стороны от бухты. Там из них вырастят отважных воинов, не познавших материнской ласки. Настоящих безжалостных убийц, способных отнимать жизни без какого бы то ни было проявления эмоций.

Девочек ждала совсем другая судьба. Они становились собственностью резиденции, поддерживая порядок и чистоту. Работали на кухне и отдавались для потехи всё тем же инквизиторам. На неудобных отработывались приёмы рукопашного боя, изучались способы быстрого умерщвления и методы дознания. Те из них, кто умудрялся дожить до почётных тридцати лет, становились игуменьями-надсмотрщицами. И период жизни переходил на следующий круг. Раз за разом, век за веком, с момента основания империи.

Клорад вышел на террасу. Солнце клонилось к закату, наливая округу золотисто-багряным свечением. Он вновь почувствовал раздражение. Как бы его не бесила толпа разряженных кардиналов, он понимал, что пока что не сможет обойтись без них. Грянувшая вслед за признанием государством нового вероисповедания война, объявленная чуть позже святым крестовым походом против слуг нечисти, навсе-

гда стёрла с лица Агилары множество государств, превратив их территории в пустоши, выжженные огнём и радиацией. Миллиарды сгубленных жизней и реки пролившейся крови ознаменовали собой начало новой эры, отсчёт которой начался с момента первой показательной смерти. Даже спустя пятьсот лет на мертвых землях можно было встретить курганы, сложенные из скелетов, испускающих в ночь потусторонний свет. Таким образом инквизиторский корпус отмечал места прославленных битв. Облачённые в защитные противорадиационные костюмы, не имевшие аналогов на всей Агиларе, они заставляли пленников стаскивать тела убитых в одно место, пока не выросал высокий холм, видимый за много километров, а сами пленники не умирали от лучевой болезни, пополнив своими телами рукотворные курганы. Здесь не водилось ни хищное зверьё, способное со временем растащить по округе залежавшиеся кости, ни человек, стремящийся предать земле останки. Канули во времени иные религии, развеяв по планете прах священных текстов и богоугодных зданий. Исчезли навсегда, оставив миру единственную истинную веру, способную одним мановением стереть из анналов истории культуры непокорившихся стран.

– Так было. Так есть. Так будет, – прошептал кардинал Клорад, любуясь закатом.

Но даже после столкновения, уничтожившего всё живое вне пределов империи, её территория оставалась огромной. Управиться со столь громоздкой машиной одному бы-

ло не под силу, поэтому бывший полковник терпеливо наблюдал, как кардиналы, купаясь в роскоши и разврате, забывают главный закон новой веры, гласящий, что сила церкви в единстве мыслей и единстве побуждений. Всё остальное – шикарные яхты, красивые резиденции, слуги, подданные, техника, небо и звёзды – тлен по сравнению с бессмертием, дарующим бесконечное время на раздумья.

Кардинал активировал санктиком, над активной панелью возникло лицо старшего апостола Израила.

– Приведи в нижние покои кардинала Реция, – распорядился он.

Голова Израила молча кивнула и разорвала связь. Минутой позже он услышал протестующие возгласы кардинала, проявившего излишнюю мягкость по отношению к подданным. Завязалась потасовка и вскоре встревоженный голос Реция, призывающий присутствующих на помощь, оборвался. Клорад едва сдержал довольную улыбку, наползавшую на лицо всякий раз, когда он думал о мучениях, которым подвергнет слабохарактерного толстяка.

Глава 4. Блаженные

Порус. Прибрежный город Горячего моря

Роланд с удовольствием вытянул ноги, удобно устраиваясь в кресле. Первое дежурство на посту приора, главного смены ночных стражей справедливости, стремительно подходило к концу, и теперь можно было немного расслабить-

ся. Долгие годы, проведённые в салоне служебного автомобиля, принудили его завести ряд привычек, с которыми он незамедлительно был готов с радостью расстаться. Бесконечная беготня по распоряжениям вышестоящего духовенства начинала его изрядно бесить, поэтому он искренне радовался новому назначению. Вполне естественно, что всё его мысли сейчас были обращены к Грейс, возлюбленной, расставшейся с ним в силу сложившихся обстоятельств. Днём ему торжественно вручили ключи от новой квартиры, куда он тут же переехал, собрав все свои вещи, уместившиеся в двух больших картонных коробках. Конечно это не пентхаус километровой высотки, в которой он имел счастье недавно побывать, но сравнивать новое жильё с прежним не было никакого смысла, потому как разница между ними тоже была разительной. Если раньше вся его жизнь умещалась в одной комнате, которая была и спальней и залом и коридором и всем, что угодно, то теперь у него была самая настоящая квартира с двумя просторными комнатами и большой кухней. И это не говоря о том, что теперь у него появился собственный санитарный узел, чему он был несказанно рад. Две большие картонные коробки, сиротливо пристроившиеся у одной из перегородок, наводили серьёзный дисбаланс в «шикарных апартаментах» нового приора. Перед Роландом встал закономерный вопрос: что же теперь делать со всем этим пространством? Хорошо будет, если Грейс согласится переехать к нему жить. А если это, по неведомым причинам,

не произойдёт? На кой хрен сдались ему лишние две комнаты, когда он приучился чувствовать себя вполне комфортно и в одной? В конце концов, плюнув на постоянно возникающие в голове вопросы, он хорошенько выспался и, с наступлением вечерних сумерек, в прекрасном расположении духа отправился на службу.

Роланд взглянул на позолоченный хронометр, висевший на противоположной от центрального санктикама стене. До рассвета оставались какие-то жалкие полчаса. Он сдаст смену дневному приору и, наконец, приступит к осуществлению своей восьмилетней мечты. Прикрыв глаза, он представлял себе, как будет приходить к себе в квартиру, где его будет ждать готовый завтрак, горячая вода в собственном душе и желанная спутница жизни. И плевать, что ей сейчас должно быть чуть больше сорока лет. До принудительной кремации оставалось ещё двадцать три года. А это целая жизнь, которую можно прожить в радости и здравии!

Оперативный пульт неожиданно ожил, рассыпав искрящийся розово-дымчатый замок мечтаний на тысячу мелких осколков.

– Именем Его преосвященства, вселучезарного кардинала Клорада, неизменного главы святой церкви второго пришествия Христа на Агилару, вызываю приора Роланда. Ответьте немедленно, – бодро проговорил требовательный незнакомый голос.

Роланд напрягся. В последнее время вызовы под конец ра-

бочей смены не приносили ничего хорошего. Тем более тон, с которым были произнесены слова, говорил очень многое о его владельце. Если он по открытой линии смеет так запросто с иронией произносить церимониальные слова первого приветствия, потребовав приора немедленно ему ответить, то, скорее всего, окружной аббат, вершивший судьбы сотен тысяч приходских граждан, был ему не ровня. А уж вслух произнесённое имя верховного кардинала приводило в священный трепет не только рядовых служителей справедливости, но и высокопоставленное духовенство. Поэтому новопечённый приор быстро вскочил с кресла и рефлекторно расправил судорожными движениями рук складки на новёхонькой рясе, выданной взамен старой по случаю повышения звания. Роланд прокашлялся, чтобы его голос не казался заspanным и ленивым, активировал связь и так же бодро отозвался:

– Да продлит создатель здоровье Его преосвященства и огородит дланью своей от болезней, бед и шёпота Лукавого! Приор Роланд на связи.

Над электронным пультом материализовалось незнакомое лицо с жестокими складками в уголках губ. Оно смерило приора оценивающим взглядом и рявкнуло:

– Ты мне зубы не заговаривай, приор! Я тебя вызвал не о здоровье его преосвященства беседовать, – лицо скривило губы. – Собирай своих архаровцев и немедленно выдвигайтесь к зданию окружного отдела управления веры.

Роланд было воспыал священной яростью к говорившему и хотел послать его куда подальше со своими распоряжениями, но вовремя заметил на груди наглеца бляху старшего апостола тайного корпуса, о котором, в свободное время, так любили почесать языками его сослуживцы. Его протест застрял колючим комом в горле и никак не желал рассасываться. Лицо метнуло ещё один взгляд, по которому было видно, что его обладатель догадался обо всех мыслях, пронёсшихся с невероятной скоростью в голове приора, и растворилось словно призрак.

– Яйца сатаны! – тихо выругался Роланд. – Какого хрена эти-то здесь забыли?

О «теневиках» ходило достаточно много жутких слухов, чтобы заставить служителей правосудия истекать холодным потом, при их появлении в пределах подотчётного округа. Даже если учесть, что только десятая часть рассказываемых о них историях была правдой, представление об особом отряде инквизиторов всё равно складывалось не в лучшую сторону. Это были люди, наделённые самим Господом Богом хладнокровием и особой жестокостью. Они с одинаковым равнодушием расправлялись и с оголтелыми еретиками, прятавшимися по тайным убежищам, и с детьми неблагонадёжных родителей, будь то младенцы или подростки. Там, где не скрывая своего присутствия, появлялись отряды корпуса, начинали происходить леденящие кровь события. инквизиторы хватили на улицах встречных граждан, набива-

ли ими, словно скотом, длинные рефрижераторы и увозили в неизвестном направлении. Через некоторое время «похищенные» возвращались. Но о том, что с ними происходило за время отсутствия, они не могли вспомнить, как бы при этом не старались. И, конечно же, не стоило забывать о том, что к семьям возвращались далеко не все. Похищение граждан было самой невинной «проделкой» представителей инквизиционного корпуса. Чаше они устраивали резню прямо на улицах города, упорно не желая использовать более гуманные методы убийства. Огнестрельное оружие, фатпарализаторы и более мощное плазменное вооружение их не устраивало. Бойцы корпуса всем новоделам предпочитали старую добрую сталь. Мечи самых разных форм и размеров. Ножи, цепи, булавы и даже обоюдоострые секиры на длинных рукоятях, которыми так удобно рубить человеческое тело. По окончании зачистки, они выгоняли схоронившихся по домам граждан на улицы и заставляли их наводить порядок. Грузить тела убитых на труповозы и отмывать улицы от пролившейся крови. Мертвецов в этот же день сжигали в доменных печах какого-нибудь сталелитейного завода, отказав родственникам в погребальной церемонии. А, если находились те, кто осмеливался требовать тела убитых для совершения прощального обряда, им, недолго думая, затыкали рты при помощи всё той же стали.

Роланд связался с подчинёнными группами, передавая приказ вышестоящего начальства. Он подошёл к большому

зеркалу и критично осмотрел своё отражение с головы до ног. Поправил защитную амуницию, проверил заряд парализатора и, кивнув самому себе, быстро вышел из кабинета. У входа в здание, грозно урча мотором, дожидался служебный внедорожник, возглавляя собой колонну «церберов». Его водитель заметно нервничал, бросая быстрые взгляды по сторонам. Весть о том, что в округ пожаловали инквизиторы, моментально облетела все близлежащие отделы, заставляя служителей справедливости гадать о цели своего визита. Впрочем, гадать-то особо было нечего. Нежданное появление «теневигов» не сулило ничего хорошего ни служителям справедливости, ни гражданам империи подотчётного участка.

– Чёрт бы их всех побрал! – пробормотал Роланд, садясь в «цербер».

Похоже он слегка перестарался, хлопнув дверью, потому как водитель испуганно дёрнулся, резко нажав на акселератор. Автомобиль взбрыкнул, свистнув покрывками, и заглох.

– Ты чего, твою мать, вытворяешь, зелень? – возмущённо прикрикнул на него Роланд.

Парень влился в сплочённые ряды служителей справедливости, получив назначение в четвёртый округ из семинарии, заменив собой погибшего при исполнении служебных обязанностей брата Стратиса. И его нервозность была вполне понятна.

– Нижайше прошу простить меня Ваше святейшество
приор Роланд, – парень смиренно опустил взгляд. – Говорят,
приехали потрошители душ, – тихо сказал он.

– Потрошители душ?! – Роланд удивлённо уставился на
парня. – Только не вздумай сказать такое в присутствии са-
мых «потрошителей», – предупредил он его. – Ну надо же,
какое грозное прозвище!

Парень замолчал, перебирая серебристые чётки, поло-
женные каждому служителю церкви, дабы они не забывали
ни на работе, ни дома молить господу о прощении собствен-
ных грехов.

– Ты собираешься до обеда заниматься этой ерундой? –
возмутился Роланд, вырвав чётки из дрожащих рук парня и
нервно кинув их на приборную панель автомобиля. – Или
мы, всё-таки поедем?

Парень не успел ответить. По огороженному двору участ-
ка прокатилась тугая волна, выбивая стёкла приёмной па-
латы, а хвосте колонны прогремел оглушительный взрыв.
Один из автомобилей, поднимая густые чёрные клубы жир-
ного дыма и ярко оранжевого ревущего огня, подлетел вверх,
перевернулся несколько раз в воздухе и с лязгом опустился
крышей на мостовую, высекая из камня снопы искр. Прежде,
чем Роланд успел выскочить из автомобиля, его водитель
открыл дверцу и выпрыгнул из салона. Он подбежал к бе-
тонной ограде участка и ловко, словно мартышка, перепрыг-
нул чрез двухметровый забор, увенчанный поверху колючей

проволокой. Роланд огляделся по сторонам. Кое-кто из подчинённых, закрывая рукой лицо от нестерпимого жара, подбежал к подорванному автомобилю и пытался открыть заклинившие при падении двери. Днище автомобиля полыхало так, будто на нём собирались станцевать джигу черти, выползшие из ада по случаю появления в округе своих непримиримых врагов – святое воинство его преосвященства. Находившиеся внутри внедорожника священнослужители не пострадали, потому как все машины служебного автопарка были бронированными. Однако их следовало извлечь из внутренностей пуленепробиваемой консервной банки как можно скорее. Остальные диаконы стояли разинув рты от столь неожиданного поворота событий и растерянно крутили головами.

– Какого хрена стоите? – заорал им Роланд. – За ним! Догнать и привести в допросную. Живо!

Он показал в направлении скрывшегося новобранца. Два диакона, выйдя из оцепенения, бросились в погоню.

– Никому с ним не разговаривать до моего возвращения! – крикнул им вслед Роланд. – Остальные по машинам! Нас уже заждались.

– Но нам нужно вызволить товарищей! Они же сгорят живо! – возразил чей-то голос.

Роланд обвёл служителей суровым взглядом.

– Если мы прибудем к зданию управления веры с опозданием, то инквизиторы сожгут всех вас, не моргнув и глазом.

Бросьте их! – ему пришлось прикрикнуть. – Если им суждено выжить, то они смогут выбраться без нашей помощи. На всё воля Божья!

Диакон Аврелий, отдав распоряжение своему напарнику выдвигаться самостоятельно, подбежал к головному автомобилю, чтобы занять место сбежавшего водителя. Роланд уселся в салон, треснув дверью сильнее предыдущего раза.

– Долбанные всеми адовыми демонами еретики! – выругался он. – Езжай быстрее, пока мы не получили выговор всем отделом.

Аврелий уверенно выжал акселератор до предела, заставляя автомобиль мощно рвануть с места под режущий слух свиста покрышек.

– Думаете, это дело рук фундаменталистов? – спросил он у Роланда.

– Кому же ещё, по-твоему, понадобилось взрывать внедорожник служителей справедливости? – ответил он, с силой потирая виски. – Сколько ни выжигаем эту заразу, никак не справимся! – Роланд с силой треснул ладонью по приборной панели. – За это «теневики» нас по головке не погладят и, скорее всего, отправят вслед за кремированными отщепенцами.

– Всё в руках Господа нашего Иисуса Христа, – смиренно проговорил диакон Аврелий, осенив себя крещением.

– И руках его преосвященства кардинала Клорада, – добавил Роланд, усмехнувшись краем рта. – И верной своры

цепных псов, – Роланд сплюнул в окно, забыв, что боковое стекло оставалось закрытым. По нему тут же растеклась пузырящаяся клякса и потянула свои ножки вниз. – Чёрт бы побрал всех этих засранцев, начиная с архимандритов и выше, до самых ворот рая! – яростно выругался Роланд, вытирая наспех слюну со стекла широким рукавом рясы.

– А почему вы решили, что мальчишка во всём виноват?

– Считай, что мне подсказывает интуиция, – ответил Роланд. – Нервный он какой-то был. Рванул с места, как заправский скакун, пока вы глазами хлопали, словно последние раздолбаи.

– Простите, приор Роланд, – покорно произнёс диакон Аврелий. – Это наше упущение. Мальчишку прислали сравнительно недавно, и проверить его досконально у нас времени не было. Сначала проводили в священный путь брата нашего Стратиса, после этого приор Гарден получил повышение по службе, а затем настала и ваша очередь, уважаемый приор Роланд, – Аврелий подобострастно глянул на Роланда.

– А у кого оно было, брат Аврелий? – тяжело вздохнул Роланд. – Не забывай про судебные разбирательства между ночными дежурствами. Они кого угодно сделают рассеянным и невнимательным.

Внедорожник приора резко затормозил у наспех сооружённого блокпоста, оставляя на брусчатке чёрный след от покрышек. Инквизиторы времени зря не теряли и успели соорудить баррикады вокруг окружного здания управления

веры. Проверяющий просканировал голографический герб приора и, махнув рукой андроиду, управляющему заграждением, дал добро на проезд. Слава Иисусу Христу колонна приора Роланда оказалась не последней!

– Впервые вижу таких... – заморожено произнёс Аврелий, с интересом разглядывая сотни выстраивавшихся ровными рядами роботов четвёртого поколения, – похожих на человека.

– «Загонщики», – поделился своими знаниями Роланд, знакомый с новейшими разработками робототехники. – Сначала эти, – он кивнул на стройные ряды человекоподобных механизмов, – оцепят округ, чтобы больше никто не смог удрать, пока инквизиторы расставляют «заслоны», а потом начнётся потеха. Ненавижу гадов!

Диакон Аврелий с «заслонами» был знаком достаточно давно, можно сказать с гимназийской скамьи. Их создавали генераторы силовых полей, встроенные в высокие, толстые штанги заградительных столбов. Находясь недалеко друг от друга в активном состоянии, «заслоны» связывались с ближайшим «собратом» создавая непреодолимый, до десяти метров в высоту, энергетический мост, не пропускавший органику. Впервые действие этих чудо-столбов он увидел на первом курсе гимназии, когда его вместе с товарищами отправили на подавление актов вольнодумства, собравшихся в толпу недовольных своей жизнью под крылом всевидящей и

всепрощающей церкви, жителей округа. Им, видите ли, было не по нраву то, что мать-церковь указывает их место в жизни и заставляет жить по своим «изуверским» законам. Когда беснующаяся на площади десяти кварталов толпа была оцеплена мощными рядами служителей справедливости, «заслоны» вступили в режим зачистки, следуя чрезвычайному протоколу выявления еретически настроенных индивидуумов. В считанные мгновения бунтари оказались запертыми в тесном объёме энергетического кокона. Тех, кто оказывался на линии мостов, рассекало на части. И слава всевышнему за преподнесённый урок, если за линией барьера оставалась лежать рука или нога. Остальное, как говаривал старый настоятель, было делом техники и божьего промысла. Толпа «избранных» оком Господа проходила децимацию, после чего запуганных до смерти вольнодумцев загоняли в грузовики и увозили на профилактику.

За всё время несения службы Роланда во имя святой церкви «Теневики» появились в четвёртом округе впервые. Однако, по всё тем же разговорам со служителями из соседних округов, он знал, какая судьба ожидает тех, кто просрочит время, отпущенное для явки в указанное место, или прибудет последним. Опоздавших, кроме выговора с занесением в личное дело, ждало суровое наказание. Нет, их не распинали на дыбе, не увечили и не предавали огню, как поступали с истинными еретиками. Им назначали по пять ударов цепной плетью, зачастую снимавшей лоскутами кожу со спины.

Приговор приводился в исполнение немедленно самими инквизиторами. Так сказать для разогрева в предстоящей операции и в назидание остальным служителям. А служители справедливости, провалявшись под открытым небом в течение часа, позволявшего подумать над собственной исполнительностью, отправлялись в регенераторы, после чего с удвоенным усердием присоединялись к запланированному действию.

Роланд глазами выискал человека, вокруг которого происходила вся суэта. Приказав своим подчинённым оставаться в автомобилях, он отправился предстать перед светлыми очами старшего апостола.

– Почему ехали слишком долго? – грозно спросил носитель отличительного знака с неуловимо знакомыми чертами лица. – До твоего отделения рукой подать!

Инквизитор сразу перешёл к делу, проигнорировав приветствия, что говорило о серьёзности готовящейся операции.

– У нас произошёл подрыв одного из автомобилей колонны. Скорее всего, это связано с вашим появлением здесь, – доложил Роланд.

Инквизитор сделал вид, что удивился. Вряд ли кто-нибудь из них мог проявлять чувства. Особенно старший апостол, который, по своей сути, был вообще бесчувственным.

– Какие у тебя предпосылки для выдвижения такого вы-

вода? – спросил он.

– Мой водитель сбежал после взрыва, – ответил Роланд.

– Твой водитель?! – инквизитор удивился без игры в эмоции. – Надеюсь, ты задержал «своего» водителя и доставил для выяснения обстоятельств, произошедшего акта сопротивления властям? – апостол вперил в приора испытующий взгляд, способный расславить камень.

Роланд почувствовал, что под ногами вот-вот готова разверзнуться бездна, чтобы поглотить провинившегося служителя справедливости в кипящей лаве. Она только ждала единственного слова старшего апостола.

– Нет, ваше эмм... – приор замялся, подбирая нужное слово.

– Обойдёмся без лицемерных определений, – перебил его апостол, смерив уничтожающим взглядом, от которого по спине Роланда побежали предательские мурашки.

– Я не мог послушаться прямого приказа явиться на место сбора и отправил в погоню за ним двух диаконов, – сказал он.

– Превосходно! – апостол скривил губы в деланной улыбке больше похожей на оскал. – У тебя в руках был один из осквернителей святой веры, а ты, вместо того, чтобы схватить предателя лично, отправил за ним двух диаконов. Я правильно понимаю расставленные тобой приоритеты?

– Да, но... я решил, что явка имеет первоочередное значение, – ответил Роланд, ненавидя себя за то, что вынужден

был оправдываться перед апостолом.

– Здесь я решаю, что имеет первоочередное значение! – ледяным тоном сказал апостол, заглядывая в глаза Роланду. – Бери с собой пару служителей и отправляйся на поиски беглеца. Если в течение часа я не увижу его собственными глазами, считай, что ты нажил себе очень крупные неприятности!

– Повинуюсь Вашему приказанию, – Роланд склонил голову.

– Куда же ты денешься? – усмехнулся апостол, провожая приора взглядом полным иронии.

Роланд вернулся к колонне.

– Сраный ублюдок! – разъярённо выдавил он, захлопывая дверцу своего внедорожника.

Диакон Аврелий деликатно сделал вид, что не услышал неприемлемого замечания начальника в адрес старшего инквизитора. Роланд сорвал с панели святое распятие рации. В нём закипало негодование.

– Всем патрульным экипажам! – проговорил он, как только злость начала успокаиваться. – Поступаете в распоряжение старшего апостола... как его там – не знаю по имени.

Роланд раздражённо отбросил распятие на панель.

– Возвращаемся к участку, – сказал он диакону в ответ на его немой вопрос. – Этот хрен дал нам особое поручение.

– Как скажете, приор, – флегматично отозвался Аврелий,

плавно трогая автомобиль с места.

Во дворике участка никого не было, кроме двух полуобгоревших трупов, вывалившихся сквозь лопнувшие от перегрева стёкла догорающего автомобиля. Роланд прикрыл рот рукавом широкополой рясы. Воздух пропитался невыносимыми запахами сгоревшей резины, оплавившегося пластика и палёного мяса. Видимо, оставшиеся выручать товарищей, диаконы не смогли открыть двери, плюнули на всё и отправились вслед за колонной.

– Скоты! – приглушённо выдохнул Роланд, оглядываясь по сторонам.

Диакон Аврелий так и не смог понять, кому было адресовано столь ёмкое определение. То ли еретикам, запустивших свои щупальца в ряды служителей справедливости. То ли диаконам, приложившим недостаточно усилий для спасения братьев. То ли сгоревшим товарищам, впавшим в панику после взрыва, помешавшей, в конечном итоге, принять верное решение. То ли всем вместе взятым.

– Пошли, – Роланд потянул Аврелия за собой. – Мальчишку должны были уже схватить.

Они вышли за бетонное ограждение. Роланд, указывая дорогу, уверенно шёл впереди, будто бы знал, в каком именно направлении скрылся ренегат. Впрочем, особого выбора у изменника не было. К забору участка прилегал единственный узкий дворик, зажатый меж высотками спального района, тесно прижавшихся друг к другу зданий. По всем вре-

менным показателям, выпускника семинарии должны были уже схватить и вести в допросную, но, ни в отделе, ни по пути, им никто не встретился. Куда же всё-таки запропастилась погоня, стало ясно, как только Роланд вышел из-под низких сводов перехода, сообщаемого с соседним двором. Таким же унылым и мрачным, как и его сосед. В пятидесяти метрах от выхода он увидел крупногабаритный рефрижератор с известными всему городу логотипами торгового конгломерата «Sanctis fidelis», занимающегося многогранной деятельностью. От разработок новых видов белковой пищи и её распространение через продуктовые сети того же конгломерата, до исследований в сфере микробиологии и производства лекарственных препаратов.

Недалеко от грузовика Роланд заметил три лежащие на брусчатке фигуры, облачённые в чёрные мешковатые одеяния. Приор отдела служителей справедливости почувствовал надвигающуюся опасность. Он сунул руку за пазуху, пытаясь выудить из кобуры парализатор. Но чёртовы захваты никак не желали расстёгиваться с первого раза. От волнения, охватившего Роланда, его пальцы соскальзывали с фиксирующих застёжек, заставляя вслух упоминать недобрым словом всех известных святых великомучеников.

– Господи, помилуй нас грешных! – услышал он приглушённый голос диакона, с таким же остервенением пытавшегося справиться с собственным оружием.

Наконец им это удалось. Пригнувшись, как его учили на

бесконечных тренировках в семинарии, Роланд крадущимся шагом приблизился к трупам. Все сомнения в том, что это были оба диакона, отправившихся в преследование, и мальчишка новобранец, отпали незамедлительно. Тело ренегата с невесть куда испарившейся головой, лежало чуть поодаль. Роланд попытался восстановить картину произошедшего. Но он никак не мог понять, куда делась голова изменника, и кто подстрелил диаконов. Внезапно один из них вяло пошевелил рукой, соскребая с камня засохшие пласты грязи. Роланд кинулся к нему. Он склонился над выжившим, приподняв его голову свободной рукой.

– Здесь... – выдавил из себя слово диакон вместе с пузырящейся на губах кровавой пеной.

– Что? – не понял приор, склоняясь ниже, чтобы разобратъ слова сквозь бульканье.

– Они... здесь... – расслышал Роланд. Подчинённый в последний раз болезненно вздохнул и замер, уставившись остекленевшим взглядом в пяточок синеющего неба, виднеющегося со дна дворового колодца.

– Что? Что он сказал? – облизнув пересохшие губы, спросил Аврелий, нервно водя стволом парализатора из стороны в сторону.

– Покойся с миром, брат, – Роланд поспешно прикрыл веки покойнику. – Они всё ещё здесь! – сказал он негромко.

Роланд настороженно приподнялся с колен, показав знаками, чтобы Аврелий обходил перегородивший узкий про-

езд грузовик с одной стороны, в то время, как он обогнёт его с противоположной. Сердце зашлось в тревожном перестуке, отдаваясь в голове глухими ударами, мешавшими сконцентрировать внимание. Он осторожно, стараясь не выдать себя излишним шумом, подкрался к рефрижератору. Вытянул перед собой ствол парализатора, выставленного на максимальную мощность и начал медленно, шаг за шагом, приближаться к углу кузова. Чем ближе он подходил, тем явственнее осознавал свою ошибку. Нужно было связаться со старшим апостолом и попросить подкрепления прежде, чем самостоятельно схватить неизвестных, без труда отправивших двух вооружённых диаконов на тот свет. Но поворачивать оглобли назад было уже поздно. Те, кто, возможно, спрятался в слепой зоне, вряд ли позволят уйти преследователям живыми. А двигаясь навстречу неизвестности, он, по крайней мере, выравнивал шансы на выживание. За спиной несколько раз сухо щёлкнули о монолит стены, выпущенные короткой очередью, пули. Он быстро оглянулся назад, чтобы удостовериться, что за спиной никого нет. А когда его голова вернулась в прежнее положение, он едва смог зафиксировать силуэт крепкого мужчины, с силой ткнувшего его прикладом архаичной штурмовой винтовки в голову. Сознание приора тут же поплыло, на глаза опустился мрак, и он почувствовал бесконечное падение в пустоту, сквозь которую он чётко слышал болезненный вскрик тяжело раненного человека.

Холод... Бесконечный всепронизывающий холод сконцентрировался в животе и никак не хотел покидать уютное местечко. Ощущение невероятной усталости и мерзкого страха заставляли тело болезненно трястись, выдавливая из сознания последние крохи мыслей, оставляя вместо них лишь животное стремление к жизни. Не было ничего важнее того, чтобы сохранить в себе хотя бы искорку драгоценного тепла. Иначе смерть и бесконечное небытие. Смерть, беспомощность и позор...

Его окатили холодной водой, тут же впившейся в кожу тысячью мелких жгучих иголочек, образуя на поверхности стремительно остывающего тела тонкую ледяную корку. Он не чувствовал ни рук, скованных металлическими захватами высоко над головой, ни ног, прилипших подошвами ступней к промёрзшему металлическому полу. От столь внезапного вторжения в предсмертную дрёму, Роланд сделал глубокий вдох, отозвавшийся болезненным покалыванием где-то глубоко внутри груди. Он с усилием разлепил слипшиеся ото льда веки. Моргнул несколько раз, стряхивая мелкие льдинки с ресниц. И сквозь пульсирующие перед глазами огненные круги увидел силуэт закутанного в тёплые одеяния человека.

– Здравствуй, Роланд! – поприветствовала его фигура мужским голосом.

Приор сфокусировал взгляд на расплывающемся подвижном пятне.

– Как-то нехорошо, что наша встреча с тобой происходит при столь неприятных обстоятельствах, – сказал мужчина с сожалением в голосе. – Но эти же самые обстоятельства вынуждают нас действовать быстрее, чем мы планировали изначально.

– Пошёл на хрен! – с ненавистью в голосе прохрипел приор.

– О-о-о! – воскликнул мучитель. – Я вижу, ты не потерял стойкость духа! Похвально, похвально!

Роланд попытался рассмеяться, но вместо этого у него вырвался болезненный стон.

– Когда тебя схватят, я буду проверять твою стойкость на дыбе, – ответил он.

– Ты слишком торопишься, мой дорогой друг, – сказал мужчина издевательским тоном. – Для начала, тебя должны, хотя бы, найти.

– Найдут, – пообещал приор.

С каждым произнесённым словом его разум прояснялся всё больше, боль в груди постепенно затухала, а силы, невероятным образом, восстанавливались, что было крайне удивительно, если учесть то обстоятельство, что он находился в замороженном помещении абсолютно обнажённым. Его собеседник заметил происходящую с пленником метаморфозу.

– Вижу, тебя удивляют столь неоднозначные перемены? – спросил он. – То ли ещё будет...

Меж тем, Роланд почувствовал, как в озябшее тело возвращается долгожданное тепло. Корка льда на коже растаяла. Он уверенно опёрся на ноги и оторвал пятки от металлического пола, внезапно почувствовав мощный прилив силы. Она бурлила внутри всепоглощающим потоком, закручивалась спиралью и клокотала, словно огненная магма, сжирая холод голодным зверем, добывшим долгожданную жертву. Роланд несмело пошевелил пальцами затёкших рук. Странно, но у него складывалось ощущение, что он может разорвать металлические цепи одним усилием. Он натянул цепь, отозвавшуюся протяжным стоном. Навалился на неё всем весом, прибавляя к нему усилия рук, вздувшихся буграми мышц под кожей, и она поддалась, брызнув осколками перемёрзшего металла. На лице сама собой расплылась хищная ухмылка, не обещавшая ничего хорошего его оппоненту. Роланд со стоном размял затекшие руки, увенчанные массивными браслетами на запястьях. Его мучитель заинтересованно смотрел на происходящее, будто не осознавал, что разъярённый служитель справедливости готов разорвать своего пленителя на куски. Роланд сконцентрировал всю накопившуюся ярость в центре груди, позволил ей перетечь в конечности, и резко прыгнул навстречу мужчине, сбивая того с ног. Они повалились на пол. Завязалась короткая возня, в результате которой приор оказался сверху.

– И что ты намерен делать дальше? – спросил его мужчина скучающим голосом.

Роланд взревел взбесившимся медведем, занёс руки над головой и с силой опустил массивные металлические браслеты на лицо неизвестного. Раздался сухой треск ломаемых лицевых костей. Из под рук в разные стороны брызнула кровь. Роланд оторвал руки от исковерканного страшным ударом лица, чтобы с удивлением увидеть разбитую ухмыляющуюся рожу мучителя. Одна его щека порвалась и повисла обильно кровоточащим лоскутом на верхней скуле, глаз вытек, а из рваной раны торчали в разные стороны мелкие осколки костей. Мужчина выдавил языком выбитые зубы и громко, по-настоящему издевательски, расхохотался, брызгая кровью в лицо Роланда. Приор заврожено смотрел на скалящийся жуткой ухмылкой череп, не в силах понять одного – почему этот мужчина всё ещё жив?

Тот без усилий вытянул руку из-под Роланда, и слегка толкнул приора в грудь указательным пальцем, отчего приор, нарушая все законы физики и здравого смысла, отлетел к обледеневшему распятию. От жесткого удара лёгкие Роланда рефлекторно сжались, заставив испустить болезненный вскрик. Цепи, словно живые, с громким лязгом удлинились, обвили запястья, прижимая обнажённое тело приора к заиндевевшему ребристому металлу. Мужчина, оттолкнувшись другой рукой от пола, с лёгкостью придал телу вертикальное состояние, провёл ладонью по обезображенному лицу.

Страшные раны чудесным образом исчезли, не оставив ни единого намёка на недавние увечья. Увиденное повергло Роланда в кратковременный шок. Он затаил дыхание, не веря собственным глазам.

– Признаться честно, я ожидал от тебя нечто большего, чем это, – ухмыльнулся мужчина разочарованно, неопределённо помахав пятернёй в воздухе.

– Кто ты такой, чёрт тебя раздери? – промолвил удивлённо приор, не обращая внимания ни на снисходительный тон незнакомца, ни на пронизывающий тело холод, с новыми силами впившийся в незащищённую плоть.

– Тем не менее, ты первый человек, сумевший разорвать стальные цепи, – продолжил незнакомец, не обращая внимания на вопрос Роланда. – А это чего-то, да стоит!

– Что ты за хрен такой? – взревел Роланд, дёрнувшись всем телом.

За те несколько секунд, что приор простоял, прижатым к распятию, его кожа успела примёрзнуть к металлу. От его движения она треснула, обнажив парящую плоть, но угнетённые нестерпимым холодом нервные окончания благополучно промолчали о полученном повреждении.

– Мы достаточно долго следили за тобой, Роланд. И знаем о тебе больше тебя самого. Не спеши выяснять моё имя и положение в обществе, – незнакомец усмехнулся. – В своё время ты обо всём узнаешь. Но, для начала, я хочу познакомиться тебя со всеми нашими разработками в области позна-

ния пределов психики чужого разума, – он демонстративно щёлкнул пальцем.

Из отверстий в стене хлынул жгучий холод, опрокидывая тело, а, впоследствии, и разум приора, в чёрную пропасть. Жадная до плоти бездна с радостью приняла предложенную незнакомцем жертву, срывая с тела кожу, а затем несколько слоёв мяса, заставляя биться в предсмертной агонии, пока не добралась ледяными клыками до костей. Обглодав их, бездна неудовлетворённо проорчала, требуя добавки. Приор Роланд, прослуживший верой и правдой святой церкви всю свою сознательную жизнь, поставивший главной целью своего существования защиту и соблюдение наисвятейших законов ради построения лучшего общества, сгинул в неизвестности, словно потерявший хозяина, верный цепной пёс, оказавшийся, по прихоти неизвестного изувера, сначала на живодёрне, а потом в выгребной яме. На краю сознания вспыхнула и тут же погасла мысль, что всё могло закончиться не столь плачевно, не отправь его старший апостол на поиски так не вовремя объявившегося в строю несокрушимых слугителей справедливости ренегата.

Густая, вязкая жижа, обволакивающая безмысленное сознание, стала твердеть, обретая форму тела, наполняясь жизненной силой и стремлением избавиться от пут бренности. Вдали сверкнул проблеск света, бросившийся навстречу новой форме. Стремительно увеличиваясь в размерах, он сна-

чала заполнил собой половину черноты, а после и вовсе поглотил её, наполняя каждую клеточку тела лучистым теплом. Сознание выгнулось дугой, причиняя невыносимую боль, и неожиданно лопнуло где-то там, далеко за пределами видимости. Исторгнуло из себя накопившуюся ярость и рывком вернулось в тело, возвращая мёртвого приора к жизни. По крайней мере, ему так показалось. Только что был искрящийся белый свет, заливший собой вселенную, и вдруг его не стало. Стоило только неосторожно сморгнуть. Картинка сменилась. Но как-то странно. Роланд подумал было, что он видит отражение мира в подвижном зеркале, постоянно меняющим свою кривизну. Прошло несколько секунд, прежде чем реальность вновь стала привычной, обрела чёткие грани и положенную твёрдость. Роланд встряхнул головой и огляделся. Он находился в полутёмном сыром подвале, наполненным запахами застоявшейся плесени, тошнотворной кислоты не мытого долгое время тела, густым амбре свежих испражнений и раскалённого добела железа. Тусклые лампы, запаянные в непрозрачные цилиндры с выбитым дном, окутанные вуалью паутин, освещали только небольшие участки пола под собой, не в силах разогнать наступающий со всех сторон мрак.

Бульк!!!

В небольшую лужицу на полу упала капля, порождая многоголосое множасьее эхо, состоящее из одного звука. Роланд со страхом осознал, что слышать он стал только что.

Как будто эта маленькая капелька включила звук. В дальнем углу, скрытом густой чёрной тенью, пищали крысы, раздербанивая на части, судя по звукам активной возни, нечто очень вкусное. На мысли о еде, желудок приора отозвался бурной руладой, требуя заполнить образовавшуюся пустоту, живот свёл судорожный спазм, прокатившийся от низа живота к горлу. Роланд повернул голову. Его взгляд зацепился за поднятую вверх руку. Он поглядел выше. Лучше бы он этого не делал. Его руки были прикованы над головой к здоровенному бревну. Приор попробовал натянуть цепь. Нехотя дзенькнули толстые звенья, не оставляя никаких сомнений в том, что высвободиться ему не светит.

– Э-э-э! – горло выдавило хриплый звук.

Захотелось пить. Очень сильно. Роланд пошевелил шершавым языком во рту, силясь собрать хотя бы капельку слюны. Безрезультатно. Он поглядел на лужицу, представляя, с каким бы наслаждением он вылебал её, если бы мог двигаться.

– Су... суки... – выдохнул он, наконец, первые слова, обессилено свесив голову на грудь.

Ответом ему было лишь молчание. Его привычный собеседник, мучитель и спаситель по совместительству, сейчас отсутствовал. Шли третьи сутки непрерывного кошмара, граничащего с безумием, и только ощущение нереальности происходящего держало истерзанное сознание Роланда у края, за которым находилась чёрная всепоглощающая без-

дна.

Третьи сутки издевательств над бранным телом, отзывавшимся бесконечной болью при прикосновении раскалённого или остро отточенного железа. С него срезали кожу клочками и полосками, обливали открывшуюся плоть кипятком и кислотой. Дробили в труху кости, торчавшие после этого кровавыми осколками из рук и ног. Охаживали дубинами с длинными шипами, торчащими в разные стороны. Разрывали суставы, растягивая его на дыбе, словно он был хуже зверя. Его плотно обвязывали тряпками, пропитанными гнилостным запахом полуразложившегося мяса, и бросали в воду. Сжигали на медленном огне. Рубили руки и ноги. Внимали внутренности. Пропускали электрический ток, вешали за шею и за ноги, закапывали живым в землю, и даже взрывали.

Всякий раз итог был один. Он умирал. Иногда мучительно медленно. Иногда быстро и безболезненно. И всякий раз, открыв глаза, проклинал невидимого воскресителя за то, что тот не оставив его в покое, возвращал к жизни раз за разом. Чтобы снова, с глумливой усмешкой, затаившейся в уголке рта, превратить в мертвеца.

И этот голос... Всегда один и тот же... Он говорит одни и те же слова, которые меняются местами, словно расшалившиеся дети, но их количество всегда одинаково. Их много. Из них состоят лёгкие монологи и горы рукописных листов, из которых можно соорудить бесконечную книгу. Это кон-

тиненты, заваленные высоченными хребтами слов. Это моря, заполненные словами вместо воды...

Роланд почувствовал острую боль от удара по лицу. Окажется, он впал в беспамятство, в котором ему снились слова. Приор тяжело поднял голову. Перед ним стоял он. Его мучитель. Тот самый тип, которого он увидел в первый раз перед собой в холодильнике.

– Здравствуй, Роланд! – сказал он дружелюбно. – Я смотрю, ты заскучал без меня?

– Отправляйся в преисподнюю, порождение зла! – злобно выплюнул приор, удивившись появившимся силам.

Только что он не мог не то чтобы сказать несколько слов, но и разлепить спекшихся растрескавшихся губ. А тут расщедрился на целое пожелание! Тип не обратил на его слова ни малейшего внимания. За эти трое суток он услышал о себе много нехорошего.

– Ты думал над моими словами? – спросил он с тем же дружелюбием.

Роланд хотел было выдать очередное ругательство, но от жажды слова застряли в горле и он зашёлся в болезненном кашле.

– Тебе достаточно попросить, и всё закончится. Ты же этого хочешь? – вкрадчиво спросил незнакомец.

Роланд с ненавистью посмотрел в глаза собеседнику, собираясь выдать очередное проклятие, но тот его остановил жестом.

– Я знаю всё, что ты хочешь мне сказать. Но для начала давай сменим обстановку? – он щёлкнул пальцами, как заправский фокусник, приготовившийся показать зрителям невиданное доселе чудо.

Реальность, повинувшись его приказу, вновь выгнулась дугой, растягивая очертания предметов невообразимым образом. Схлопнулась в черноту, которая лопнула под давлением водоворота красок. Роланд зажмурил глаза. От круговерти перед взором у него слегка закружилась голова, а к горлу подкатил предательский тошнотворный ком. Приор судорожно сглотнул несколько раз.

Сглотнул?!

Несколько мгновений назад его язык напоминал грубый рашпиль, оставленный под палящими лучами знойного горячего континента, а теперь он стал самым обыкновенным. Мягким и влажным. Роланд покатал язык по рту, радуясь отступившей жажде, облизнул губы.

– Можешь открыть глаза, – услышал он знакомый до тошнотиков голос, обладателя которого хотелось душить до бесконечности.

Роланд повиновался, с удивлением отметив, что он сидит в удобном кресле своего кабинета со стаканом свежей искрящейся воды в руках. На нём была его повседневная униформа со всеми положенными к ней дополнениями в виде парализатора с запасной батареей питания, пары мультимолекулярных наручников с изменяемой жёсткостью и свято-

го распятия оперативной связи. Он поднёс стакан к губам и несколькими жадными глотками осушил его до дна. Приор с сомнением оглядел комнату, перевёл взгляд на незнакомца, одетого так же, как и он, устроившегося напротив, в точно таком же кресле. В голове мелькнула шальная мысль шарахнуть из парализатора в ненавистного собеседника, скрутить по рукам и ногам, чтобы собственноручно предать мучительной смерти.

– Можешь попытаться, – сказал он с едва уловимой усмешкой, будто прочёл желание Роланда по глазам. – Только правила игры задаю я, а не ты. Если тебе наскучило раз за разом чувствовать себя мёртвым, мы можем перейти к конструктивному диалогу, – предложил он.

Роланд, подумав мгновение, выбросил бунтарские мысли из головы, задрал ноги на низкий столик, разделявший оба кресла, показывая тем самым готовность к беседе.

– Загонщики рано или поздно прошерстят это место, – сказал он безразличным тоном. – Не удивлюсь, если они уже вламываются сюда.

– Сколько, по-твоему, прошло времени? – спросил его незнакомец, отмахнувшись от предупреждений приора, приложив указательный палец к виску и внимательно наблюдая за его реакцией.

– Достаточно для того, чтобы схватить и тебя, и всех, кто затеял это представление, – ответил приор.

– Как показывают неоднократные наблюдения, проведён-

ные нашими специалистами, на полную зачистку округа уходит от восемнадцати часов до суток. Всё зависит от размеров подконтрольного участка, – он кивнул в сторону хронометра на стене. – С момента, как мы тебя пригласили в гости, прошло более пятидесяти часов.

Роланд непроизвольно дёрнулся.

– Ты называешь это «пригласить в гости»?! – воскликнул он возмущенно.

– Согласен с тобой, – незнакомец слегка качнул головой. – Мы слегка перестарались...

– Перестарались?! – перебил его приор, сжимая подлокотники кресла. – По-моему, я сдох в ваших гостях не менее дюжины раз!

– нам было необходимо определить границы твоей психологической устойчивости, – продолжил мучитель. – Немного того, немного этого, щепотка боли, капля страха – и мы более-менее сносно начинаем ориентироваться в твоём сознании.

Роланд презрительно фыркнул.

– Тебе крупно повезло, что твоего имени не было в списке первопроходцев, отдавших свои жизни ради результата, который мы с тобой счастливы наблюдать.

– Я вас искренне поздравляю! – приор театрально похлопал в ладоши. – «Отдавших свои жизни ради результата»! – произнёс он с пафосом. – И сдохших под вашим пристальным наблюдением?

– Все, без исключения, прогрессивные открытия зиждятся на жертвах. Это строительный материал для фундамента будущей науки! Кто-то отдаёт свою жизнь добровольно, кого-то приходится принуждать. Но без жертв не обойтись. Если ты не веришь мне, можешь расспросить об этом любимого всеми кардинала Клорада. Для вас он пророк, покинувший райские кущи ради того, чтобы научить неразумных детей истово верить в Господа Бога. А для нас он шарлатан, использующий в своих личных интересах научные технологии, которые могли бы избавить народ, твой народ, – незнакомец ткнул в Роланда узловатым пальцем, – от многих болей и страданий. Дать ему процветание, бессмертие и ни с чем несоизмеримое величие. Вместо этого вы с идиотской улыбкой на устах выстраиваетесь толпами у парадных входов крематориев и поёте восхваляющие ублюдков гимны в то время, как вас кромсают на мелкие кусочки и сжигают в печах.

– Система выстроена таким образом, чтобы расчистить место для молодых умов, сбрасывая с них ярмо заботы о тщедушных, выживших из ума стариках, – возразил приор.

Его собеседник громко рассмеялся.

– Ты действительно веришь во всё, что только что сказал? – спросил он с сомнением. – Мы считали, что у тебя более циничный взгляд на происходящее, нежели у остальных твоих сослуживцев.

– Закон нерушим! Я исполнитель закона! Я страж спра-

ведливости! – воскликнул приор, надеясь в глубине души, что это очередной тест на благонадёжность, так часто проводимых в рядах служителей справедливости службами внутренней чистоты помыслов.

Теперь от аплодисментов не смог удержаться его оппонент.

– Bravo! Bravo! Ты только что приблизился на один шаг к обнулению. Деструктуризации сознания, – пояснил он, отвечая на немой вопрос Роланда. – Боюсь, что вам, истинным служителям святой церкви, этот термин ни о чём не говорит. Вы привыкли хватать людей без разбора и сжигать в своих праведных печах, дабы очистить душу пожирающим плоть пламенем. Вас научили только этому. Однако есть множество иных, более гуманных способов изъятия души у человеческого существа. Конечно, после этой процедуры человек перестаёт быть частью общества, так как полностью теряет собственную личность. Но и опасности уже никакой не представляет.

Роланда слегка передёрнуло от такой перспективы.

– И многих вы уже «обнулили»? – спросил он.

– Всех, кто беседовал со мной до тебя. Я думаю, до вас доходили оперативные отчёты об исчезнувших, по необъяснимым причинам, служителях ночного ордена?

– Так это ваших рук дело?! – удивлённо воскликнул приор, припоминая несколько случаев загадочного исчезновения высокопоставленных священнослужителей.

Все фигуранты нераскрытых дел уходили как положено на службу. Больше их никто не видел. Широкомасштабные поисковые операции, развёрнутые оперативными штабами инквизиционного корпуса, не давали ровным счётом никакого результата. Разве что всякий раз отряды чистильщиков наткнулись на очередное гнездо отступников, проповедующих немногочисленной заблудшей пастве махровую ересь первого явления. Столь удачно подвернувшуюся добычу вязали по рукам и ногам, после чего они исчезали вместе с инквизиторами. На следующие сутки поиски пропавших сворачивали и жизнь продолжала течь своим чередом.

– Скорее не рук, а электроники. – Поправил его незнакомец. – Сам посуди, смогли бы мы оставаться вне внимания прихлебателей кардинала, если бы позволили себе опрометчиво относиться с загостившимися служителями святой церкви? Такая предосторожность позволила нам на протяжении восьмидесяти лет мельтешить под носом у инквизиции. Что уж говорить о разожравшихся служителях справедливости, которые не могут почесать собственную задницу без посторонней помощи? – он скривил губы в усмешке, вызвав у Роланда жгучее желание разорвать рот этому приспешнику самого сатаны. – Да, вы порой накрываете наши конспиративные лёжки, ловите последователей, пытаете, сжигаете их. Иногда прилюдно. Но всё, до чего вам удалось дотянуться, только расходный материал – необходимая жертва ради достижения высшей цели.

– Чем же вы тогда лучше? – спросил с вызовом Роланд. – Для вас люди такое же мясо, как и для нас!

Незнакомец склонился над столом, приблизившись к приору на расстояние вытянутой руки. Его лицо вмиг окаменело, а на губах заиграла хищная улыбка.

– Нам не чужда философия гурманства. И мы предпочитаем мясо более качественного приготовления, нежели пожираете вы.

Собеседник вернулся на место, натянув на себя маску безразличия, которую скинул лишь на несколько секунд. Но их оказалось достаточно, чтобы вызвать первобытный страх в душе выдавшего вида приора. С этим человеком игра в слова могла обернуться вполне серьёзными последствиями.

– А, говоря по правде, – продолжил он, – мы в силах дать народу Агилары несоизмеримо больше, чем он имеет сейчас.

– Но я-то тут при чём? – не выдержал Роланд.

Он и в самом деле не мог понять, ради чего этот странный тип распинается перед ним, стараясь выглядеть в глазах Роланда этаким пушистым зайчиком? Где проходит параллель между будущим граждан империи и его пленением? И каким чёртовым и трижды проклятым образом всё это взаимосвязано?

– Ты начал задавать правильные вопросы, мой многоуважаемый друг! – похвалил его незнакомец.

Он выдержал театральную паузу, сверля приора пронзительным взглядом.

– Как ты верно заметил, времени у нас в обрез. – Он бросил быстрый взгляд на офисный хронометр. – Теневики решили зачистить ваш округ, как нельзя некстати. А мы бы не хотели потерять свои лучшие кадры из-за ошибки окружного патриарха, допустившего послабление режима второго пришествия. Но руководство готово пойти на необходимые жертвы ради снятия изоляции. Мы сдадим вам ещё одну ячейку наших последователей. И её обнаружишь ты. Ты станешь настоящим героем! Тебя ждёт признание и уважение! А взамен мы попросим тебя о небольшой услуге, сущем пустяке. Ты будешь нашими ушами и глазами в рядах служителей справедливости.

– Услуга за услугу? – усмехнулся Роланд.

– Верно, – незнакомец еле заметно кивнул головой.

– Что же мне помешает сдать всю вашу кодлу?

– Страх, мой дорогой друг. Страх, – ответил собеседник. – И не только за собственную жизнь, – он сложил ладони перед собой, будто собирался произнести молитву всевышнему. – Имя «Грейс» тебе ни о чём не говорит?

В мгновение ока Роланда охватил панический ужас, тут же сменившийся непреодолимой ненавистью к этому отвратительному во всех отношениях человеку, играющему с чувствами людей, словно профессиональный музыкант на любимом инструменте.

– Ах ты, тварь! – с отвращением процедил приор. – Посмеешь её хоть пальцем тронуть, и я буду рвать тебя на части

собственными руками!

Его пальцы с силой впились в мягкие подлокотники кресла.

– Спокойно, приор! – голос, исторгнутый глоткой с большим адамовым яблоком на хрупкой шее, окатил Роланда ледяным душем. – Ничего не случится, если ты будешь себя вести, как подобает истинному партнёру. Скажу больше. Мы разыскали твою женщину, весьма, кстати, неплохо сохранившуюся для своих лет. Когда инквизиторы вместе со своей механической армией покинут округ, мы раскроем тебе место её содержания. Ты ведь не хочешь, чтобы с красоткой Грейс случилось что-нибудь нехорошее? Обнуление, к примеру.

– Я тебя предупредил, – ответил приор предательски дрогнувшим голосом.

– Предупреждён – значит вооружён! – собеседник сложил из пальцев пистолет и беззвучно выстрелил в Роланда.

Минута с небольшим хватило Роланду, чтобы взвесить все «за» и «против» поступившего предложения. Достаточно сказать «нет» и жизни, как минимум, двух людей оборвутся в ту же секунду. Он это понял, взглянув лишь раз на физиономию отвратительного типа, развалившегося в кресле напротив. Согласиться – значит предать и орден, и братство, и веру. К счастью для Роланда последние слова представлялись ему красивой ширмой, за которой прятались зачастую нелицеприятные зрелища, поэтому он не собирался

терзать свою совесть по пустякам. К тому же, как обещал собеседник, он получит массу бонусов к самому главному подарку на сегодня – жизни!

– Я должен хорошенько всё обдумать, – постарался сказать он как можно более безразлично. – Только не рассчитывайте, что я буду плясать перед вами по каждому требованию.

Собеседник довольно осклабился и громко хлопнул в ладоши.

– Вот и славненько! – воскликнул он радостно. – Я знал, что моё предложение придётся тебе по вкусу! А сейчас обсудим с тобой некоторые детали...

Глава 5. Проклятые надежды

Площадь перед окружным зданием управления веры. То же самое время

– Эй, ты! – старший апостол грубо окликнул аббата Гардена, важно спешащего куда-то, в окружении ближайших советников. – Иди сюда!

Аббат от столь явного проявления наглости со стороны инквизитора остановился, возмущённо переглянулся с многочисленной свитой, гордо вскинул подбородок, но остался стоять на месте.

– Подойди сюда, мать твою! – зло рявкнул старший апостол. – Или я прикажу четвертовать тебя немедленно, гнилое отродье тринадцатого семени сатаны, – он еле заметно тряхнул головой, активируя вживлённый с юношеских

лет в кости черепа передатчик. – Внимание! Зафиксирована попытка неповиновения приказу.

Стоящие доселе неподвижными статуями загонщики синхронно повернули головы в сторону исходящего в широком диапазоне радиосигнала, будто заинтересовались возникшей между двумя людьми заминкой в диалоге. Гордо вскинутый подбородок аббата вернулся в то место, где ему положено было быть при разговоре со священнослужителем, занимающим более высокое в иерархии святой матери церкви положение. Свита аббата раздвинула ряды, оставив его разбираться с инквизитором самостоятельно. Выбитый из рабочей колеи аббат растерялся, заметив блеснувшую в лучах яркого солнца золотую пайцзу старшего апостола веры, дающую безграничную власть над всеми жителями округа, включая священнослужителей всех рангов до верховного епископа, которому, теоретически, мог подчиняться один из отрядов «чистильщиков душ». Но обладатель отличительного знака, пожалованного самим преосвященством, кардиналом Кло-радом, был намного более могущественным, чем старшим отряда инквизиционного корпуса. Гарден, запоздало склонив голову, принял смиренную позу и направил свои стопы к источающему святой гнев апостолу, уставившемуся на аббата пылающим взглядом.

– Какого дьявола ты плетёшься, словно беременный кунт? Бегом, я сказал! – разъярился апостол.

Гарден засеменял быстрее, не забывая благодарить созда-

теля, что расстояние, которое их разделяло, было не столь уж и велико. А то не сносить бы ему головы за свою медлительность, виной которой была чрезмерная пышность тела, отъевшегося на скромных аббатских харчах. По пути он придумывал уважительную причину своей невнимательности, проявленной к столь властной персоне.

– Нижайше прошу простить меня, уважаемый апостол, за провинность, допущённую с моей стороны в виду отсутствия должного внимания к вашим словам... – забормотал аббат оправдательную речь, как только приблизился к инквизитору на расстояние, достаточное для внятного диалога.

– Заткнись! – велел ему апостол. – Если бы я захотел послушать бред, который ты сейчас собрался мне рассказать, то пообщался с одним из твоих прихлебателей, – Гарден, как положено нижестоящему по званию, преданно уставился взглядом на начальство, впитывая каждой клеточкой объёмистого тела святые слова порицания. – Почему я до сих пор не получил доклад о количестве проживающего мяса в твоём округе? Где оперативные сводки наблюдений за подозрительными личностями? Где твой сраный представитель, обязанный исполнять мои поручения в отсутствие твоей наисвятейшей задницы? И куда запропастился ваш трижды проклятый небесами приор Роланд де Брис?

Аббат смущённо прокашлялся, лихорадочно соображая, чем же так приор Роланд прогневал столь значимую во всех отношениях личность.

– За приором Роландом будет немедленно отправлен посыльный... – начал было он.

– И где твой недоделанный посыльный собрался искать вышеназванного приора? – перебил его с издёвкой в голосе инквизитор. – В заднице его преосвященства?

Аббат Гарден трижды осенил себя крестным знамением и невнятно забормотал обережную молитву, призванную огородить чистый разум от безбожных слов. Старший апостол яростно сверкнул глазами, рывком приблизился к аббату, схватил того за шиворот расшитой золотыми нитями рясы, несколько раз встряхнул, заставляя тело аббата колыхаться, словно студень, и врезал ему кулаком в скулу. От неожиданности аббат отпрянул на шаг, но инквизитор наступил на длинные полы рясы, после чего Гарден, под издевательский хохот апостола, грохнулся объёмной задницей на мостовую.

– Что вы себе позволяете?! – воскликнул он возмущённо.

– Закрой рот, жирная скотина, – ответил апостол, выщёлкнув фатпарализатор из крепления на бедре. – Кто из вас, уродов, старший? – обратился он к окаменевшей от страха свите аббата.

Навстречу ему на негнущихся ногах вышел побелевший, словно полотно, мужчина с окладистой седой бородкой. На вид ему оставалась пара лет до священного обряда последнего очищения. Инквизитор вытянул руку с активированным фатпарализатором и дважды выстрелил в почётного старца. Тот картинно всплеснул руками и рухнул замертво у ног сво-

их сослуживцев.

– Долбаный жополиз! – произнёс негромко инквизитор.

Он развернулся к аббату и разрядил ему в лицо следующий заряд. От шокового заряда высокой мощности тело аббата опрокинулось на мостовую, выгнулось дугой и тут же обмякло, высвобождая на свет божий скопленные за день испражнения.

– Похоже, у вас появились две вакантные должности, – сказал апостол, довольно ослабившись. – Кто из вас, засранцев, желает получить долгожданное повышение? – спросил он у оцепеневших священнослужителей.

Желающих, почему-то, не нашлось.

– Вот и отлично! – обладатель пайцзы деактивировал оружие и вернул его на место. – Уберите это дерьмо с моих глаз и найдите мне того, кто сможет ответить на все мои вопросы, – приказал он.

Священники бросились исполнять волю апостола, боясь последовать вслед за почившим безвременно начальством.

– Мне нужны гарантии, – Роланд качнул головой, отчего его курчавые волосы пустили смоляную волну. – Вы требуете от меня слишком много, не давая при этом и намёка на выполнение обязательств со своей стороны.

– Ты получишь свои гарантии, как только инквизиторы снимут блокаду округа. Насколько быстро это получится, зависит только от тебя, – ответил ему собеседник.

– Откуда мне знать, что вы не поступите со мной таким же образом, как с теми, кого собрались принести в жертву? – приор смотрел на собеседника немигающим взглядом, пытаясь по его поведению определить ложь.

Его визави прекрасно владел своими эмоциями в совершенстве и понять что-либо по его лицу не было никакой возможности.

– Мы сделали свой выбор ещё до того, как ты появился у нашего трейлера, – ответил ему бывший мучитель. – Если бы я был верующим человеком, то твоё появление здесь счёл бы за провидение Господне. Но я таковым не являюсь. Однако, стоит отметить, что это не лишено мистического контекста. Провидение, рок, судьба, область предполагаемых событий – как ни назови, а факт остаётся фактом. Идти наперекор столь удачно сложившимся обстоятельствам станет лишь полный безумец.

– Значит, мы с братом Аврелием можем быть свободны? – уточнил Роланд, вставая с места.

Его «наниматель» отрицательно покачал головой.

– К моему глубокому сожалению, дьякон Аврелий получил тяжёлое ранение в грудь и скончался в течение минуты.

– Чёрт! – тихо проговорил Роланд, медленно усаживаясь на место. Он несколько мгновений сидел неподвижно, уставившись в одну точку, затем поднял прояснившийся взгляд на собеседника. – Исключили по максимуму вероятность прокола? – спросил он, усмехнувшись самому себе. – Лов-

кий ход, нечего сказать!

– Поверь мне, Роланд, – сказал мужчина проникновенным голосом, – если бы я мог поступить иначе, я бы сделал именно так.

– Пятеро мёртвых братьев! Двое поджарились в консервной банке, трое подстрелены и ренегат без башки, а на мне ни царапины! Вы думаете, отдел дознания, который на выявлении лжи съел не одну собаку, поверит в мои рассказы? Или мозголомы из «божьей воли» учтут мою охренительную удачу, когда проведут обряд полного причастия? Да вы представить себе не можете, через какую кучу дерьма мне придётся пролезть, чтобы самому не остаться без головы! – возмутился Роланд. – А без рук и ног мне никакие ваши бонусы уже на хрен не нужны будут!

– Успокойся, приор! – прикрикнул на него мужчина. – Последние минуты твоего пребывания с нами мы запрячем в такие глубины твоего сознания, о которых ты сам не имеешь никакого представления.

– Что ж! Это меня успокоило! – произнёс Роланд с иронией. – Теперь мне совершенно нечего бояться! А куда же вы собрались спрятать следы, остальных трёх суток пребывания в ваших гостеприимных подвалах? Отправите их телепортом прямиком Господу в задницу?

– Не было никаких трёх суток, приор, – терпеливо пояснил мужчина. – Всё это лишь умело проработанная репродукция событий, воспроизведённая в твоём сознании, путём

трансгерного переноса созданных условий. На самом деле, прошло не более пятнадцати минут с того момента, как тебя «выключили».

– Что?! – Роланд не мог поверить собственным ушам. – Не может этого быть!

Он вполне естественно переживал все ощущения. Жажду, боль, холод и жар, отчаяние, страх, злость и ненависть. И им не было конца.

– Ты невнимательно меня слушал, приор, – сказал укоризненно мужчина. – Не вдаваясь в детали, поясню. Мы спроецировали в твоей голове события трёх последних дней, ускорив их в двести с лишним раз. На самом деле ты сейчас лежишь в рефрижераторе в специальной капсуле. А всё, что с тобой происходило – результат умелой иллюзии, созданной нашими лучшими умами. Как видишь, нам нет необходимости кромсать человека по-настоящему, чтобы достичь необходимого эффекта. Мы же не изверги, в конце концов. На планете минула первая половина пятого столетия. Наши научные достижения позволяют влиять на самую душу человека, а не подвергать его брэнное тело истязаниям, подобно средневековым мучителям двадцатого века минувшей эпохи. К чёрту крематории! И к чёрту армии чистильщиков, готовых залить последнее пригодное для жизни место на планете реками человеческой крови ради удовлетворения прихотей кардиналов и собственного изуродованного мироощущения. Ради великого будущего Агилары, её народ должен

перейти труднопреодолимый рубеж и ступить на путь поистине великих открытий! Даже в условиях тотального контроля мы сумели создать это! – мужчина с гордостью воздел руки вверх. – Что будет, когда мы сможем вести разработки не таясь и по всем направлениям? Там, – он ткнул перстом вверх, – за глубокой синевой неба нас ждут новые миры! Без уродливых шрамов прогремевших войн. Чистые моря, вечнозелёные леса и миллиарды акров плодороднейших земель, которых хватит на всех с избытком! Вместо этого жадные до власти твари готовы пожрать всех и каждого, предать страданиям и горю собственный народ, дабы с ещё большим сладострастием ощутить себя вершителями судеб безголосой паствы. И этому не будет конца, – он выдержал паузу, как опытный оратор. – Но в наших силах изменить сложившуюся ситуацию. Ты станешь остриём копья, за которым последует множество. Тебе, Роланд, уготована поистине величайшая участь!

– Дайте угадаю, – промолвил приор в ответ на столь странную тираду. – Сейчас я должен облобызать пальцы ваших ног и возблагодарить небеса за возможность стать больше, чем просто обычный служитель святой матери церкви?

Мужчина усмехнулся.

– Ты снова не понял меня, приор, – он тяжело вздохнул. – У тебя и выбора, как такового, нет. С тобой или без тебя, мы будем двигаться к намеченной цели. А тебе я предлагаю присоединиться к нам, дабы ускорить момент нашего триумфа

над прогнившей насквозь системой. И когда я встану во главе мира, то, вполне естественно, не забуду о своих верных сподвижниках, в числе которых можешь оказаться и ты.

– Я согласен, – ответил приор, чем вызвал недоумение на лице искиителя.

Ему уже порядком надоел этот словоохотливый засранец, видевший себя будущим императором, кардиналом или кем он там себя возомнил. Подумать только! Этот гад сломал его за каких-то пятнадцать минут! В то время, как на причастие и положенную в таких случаях процедуру глубокого дознания уходят сутки, а то и больше. И в то же время, чёртов манипулятор был прав. Отказаться сейчас от его предложения означало подписать себе сиюминутный смертный приговор. Но, если он согласится, то есть вероятность выкарабкаться из дерьма, в котором он завяз по самую макушку. Жаль только диакона Аврелия. Достойный был брат. Роланд пообещал себе, как только грозовые тучи над его головой развеются, он обязательно закажет по безвременно скончавшемуся брату панихиду, дабы душа богобоязненного сослуживца, попавшего за пределы материального мира, всё-таки добралась до границ рая, в который тот твёрдо верил.

– У меня только один вопрос, – Роланд облизнул пересохшие губы.

– Спрашивай, – разрешил мужчина.

– Откуда вы знаете, что было до начала нового времени? Насколько я помню, в семинарии нет ни одного курса по этой

теме. А, судя по вашим словам, вы имеете семинаристскую подготовку.

– Вот теперь ты задаёшь правильные вопросы, мой дорогой друг! – собеседник довольно улыбнулся. – Честно признаться, я не думал, что ты обратишь внимание на случайно оброненную фразу. Это говорит о том, что мы сделали правильный ход, склонив тебя на нашу сторону. Но не буду петь тебе преждевременных дифирамбов, – его лицо снова сделалось серьёзным. – Как ты уже знаешь, у святой матери-церкви есть множество обособленных отделов, занимающихся, по сути, одним и тем же делом – контролем качества вероисповедания. Помимо основной функции, возложенной на них великим магистратом в лице кардиналов, в их задачу входит выявление упоминаний о мироустройстве, существовавшем до начала новых веков. Поиск затерявшихся во времени рукописей и научных работ, сделанных талантливыми умами, сгоревшего в ядерном конфликте, прошлого, курирует хорошо знакомая тебе организация под названием «Тень». Прикрываясь карательно-контролирующими рейдами, инквизиционный корпус занимается уничтожением любых упоминаний о прошлом Агилары. Ищейки корпуса натурально сбивают костяшки кулаков в кровь, выбивая из жителей империи любые сведения о сохранившихся манускриптах прошлого. Но, несмотря на все попытки святой церкви взять под полный контроль информационные источники, часть настоящей истории просачивается в массы.

Пусть по крупицам и не каждому в уши. Но недостатка в последователях мы не ощущаем, – он перевёл дух. – Да, мы даём людям опасные знания, за обладания которыми большая их часть уже отправилась в сырые застенки казематов, но это их выбор. Мы лишь открываем им глаза и наблюдаем за реакцией. О правильности выбранного нами пути мы судим по стараниям святой церкви заглушить поток неугодных знаний. Кто знает настоящее – тот знает многое. Кто знает прошлое – тот знает всё!

– И всё же мне не даёт покоя мысль о том, с какой лёгкостью вы предаёте своих же последователей, – напомнил разгорячённому беседой мужчине Роланд.

Взгляд собеседника стал жёстким, как и его следующие слова, от которых Роланду стало немного не по себе.

– Мы ведём войну, а не занимаемся гуманитарной миссией. Как и при любом конфликте, здесь есть свои жертвы. Их не избежать. Хочешь победить в войне – умей жертвовать солдатами. Да и не пристало думать о других тому, кто не привык это делать. Так ведь, приор?

Этот чёртов незнакомец знал слишком много для обычного человека.

– Раз уж мы с вами пришли к соглашению, – Роланд сделал неуклюжую попытку выяснить личность неизвестного, – я должен знать ваше имя.

– Можешь называть меня полковник, – взгляд мужчины подёрнулся дымкой воспоминаний.

Попытка вывести мучителя-соратника на чистую воду провалилась.

– Полковник?! – Роланд уставился на него недоумённым взглядом. – Что... что это такое?

– Дань прошлому. Большого тебе знать не обязательно, – отрезал незнакомец. – Вытаскивайте нас отсюда! – выкрикнул он командным голосом, глядя в потолок.

Выдуманная реальность туго спружинила, срывая сознание приора с насиженного места. С громким треском схлопнулась в черноту и он услышал собственное дыхание, приглушённое замкнутым пространством капсулы виртуального мира. Сквозь дымчатое полупрозрачное защитное стекло, он видел размытые фигуры, застывшие над приборами, лихорадочно мигающие разноцветными огнями. Несмотря на замкнутость пространства, воздух в капсуле был свежий. Было холодно. Скорее всего это было следствием того, что приор был полностью обнажён. Переборка медленно отъехала в сторону и он встретился взглядом с опостылевшим до боли в печёнке полковником.

– Добро пожаловать в реальность! – поприветствовал он, протягивая руку, чтобы помочь приору выбраться из капсулы.

Позади него стояли двое крепких мужчин, облачённых в рясы служителей справедливости, с архаичными штурмовыми винтовками наперевес, готовые без сожаления выпустить очередь в новообращённого последователя старого Бо-

га. Полковник проследил за взглядом Роланда.

– Расслабься, сынок, – усмехнулся он. – Это всего лишь небольшая предосторожность. Скоро мы тебя отпустим на все четыре стороны.

Роланд самостоятельно выбрался из капсулы, проигнорировав дружески протянутую руку, и направился к груде одежды, сложенной у противоположной стены рефрижератора.

– И как мне теперь оправдываться перед чёртовым апостолом? – спросил он у полковника.

– А это уже не наша забота. Придумаешь что-нибудь, – отмахнулся мужчина. – На счёт этого мы с тобой не договаривались. Мы выполняем свою часть сделки, а ты выполняешь свою часть, и все останутся довольными.

Напялив на себя подобающее сану одеяние, Роланд потянулся, хрустнув суставами. Пусть прошло всего пятнадцать минут, но от лежания в неподвижной позе тело успело затечь. Полковник обернулся к сопровождающим его бойцам.

– Вторая фаза, – бросил он негромко.

Двое мужчин, закинув винтовки за спину, покинули помещение, проскрежетав несмазанными петлями металлического кузова. Полковник посмотрел на хронометр.

– Пора, – сказал он приору, поманив того за собой.

Открыв противно скрипящую дверь, Роланд легко спрыгнул на землю. Трупов возле грузовика уже не было. Брусчатка была старательно вычищена от содержимого черепной ко-

робки юного ренегата и присыпана свежей землёй.

– Нам туда, – полковник ткнул пальцем в чернеющий провал подвального помещения, стоящей рядом высотки. – Не отставай, – сказал он Роланду, не поворачивая головы.

Они спустились по ступеням на один уровень ниже поверхности земли. В лицо приору пахнуло затхлостью давно не провертываемого помещения. К знакомым ароматам подвала примешивалось нечто, заставлявшее Роланда настроженно крутить головой в поисках источника знакомого запаха. Полковник уверенно двинулся вглубь подвала. Свернув за угол утонувшего в полумраке помещения, он включил наплечный фонарь, не рискуя быть замеченным снаружи. Роланд двинулся следом, чтобы не потерять мужчину в хитросплетениях сырых коридоров. Полковник неожиданно остановился, поднёс руку к уху, вслушиваясь в голос вживлённого передатчика.

– Быстрее! – поторопил он приора. – Загонщики на подходе. – Он ускорил шаг.

Идти пришлось недолго. Пара поворотов и Роланд понял причину, по которой его притащили в это богом забытое место. В просторной комнате, освещённой убогими лампами, еле разгонявшими черноту тьмы, неподвижно лежали больше полутора десятка мужчин. У некоторых одежда была вымазана в крови, успевшей свернуться. Именно этот запах почувствовал приор, шагнув за порог нижнего уровня. У остальных на одежде виднелись характерные подпалины

от применения парализаторов. Полковник повернулся к Роланду.

– Теперь слушай внимательно и запоминай. Твоя группа, в поисках сбежавшего водителя, наткнулась на хорошо вооружённый отряд отступников. После недолгих переговоров отказавшихся сдаваться на милость властям. Завязалась перестрелка, закончившаяся убийством служителей справедливости. Но тут подоспели вы с диаконом и перебили всех преступников. К сожалению, диакон, как его там, получил смертельное ранение и не смог насладиться торжеством правосудия. Остальное придумаешь сам. Там в углу, – полковник ткнул пальцем в сторону, – есть тайник. Оружие, скрижали с запрещённым контентом, планы округа с помеченными местами, где установлены заряды тринитрогексогена, – он взглянул на хронометр. – Один из них должен рвануть с минуты на минуту, чтобы придать твоей истории ещё больше правдивости и героизма. После этого сюда сбегутся все жестянки, чернорясые и инквизиторы. Недостатка в зрителях не будет. Уж ты поверь мне. Будем держать связь через выделенный канал, – мужчина сунул листок с записанной частотой в руку приора. – Только в экстренных случаях.

Перед глазами Роланда появилась скрижаль со схемой электронного устройства.

– Запоминай, – полковник поочерёдно ткнул в узлы схемы, которые послушно растворились. – В этой последовательности обезвредишь заряды. Если напутаешь – рванёт

так, что твои обгоревшие кости разлетятся по трём округам.

Роланд растерянно кивал головой, рассматривая лежащих на полу несчастных.

– Кто все эти люди? – растерянно спросил он у полковника.

– Какая тебе разница? – зло сверкнул глазами мужчина. – Это залог твоего возвращения в орден, наша жертва, твоё повышение – называй, как хочешь. Главное, что они...

– Но, – перебил его приор, – когда они очнуться, вряд ли их история будет совпадать с моей.

Полковник позволил себе снисходительную усмешку.

– На счёт этого не беспокойся. Они будут в один голос твердить о нападении слугителей справедливости на их тайник.

– Вы монстр! – сказал ему Роланд с отвращением.

– Я – стратег, готовый пожертвовать здоровой рукой ради сохранения жизни! И не только собственной, – сказал он многозначительно.

На это Роланду не нашлось что ответить...

Взрыв прогремел неожиданно, даже с учётом того, что Роланд знал время подрыва. Земная твердь содрогнулась так, будто сам дьявол собрался пробиться из подземного мира, чтобы учинить в мире людей сущий ад. Впрочем, и без него на поверхности творился настоящий хаос. Многотонный заряд тринитрогексогена, сварганенного химиками от-

ступников, с лёгкостью взбесившегося мастодонта, превратил в мелкое крошево опоры одного из высотных домов, завалившего своими останками всю парковую зону громадной кучей искорёженного металла, перемешанного с глыбами бетона высочайшей прочности. Многомиллионный Порус, не слыхавший до этого звуков громче взрыва фейерверков, озаривших своим пламенем праздничные небеса в день повторного воссоединения сына творца с земной твердью и последующим вознесением в бескрайние просторы космоса, сотрясся от чудовищного по своей силе грохота, заставившего взвять тревожные сигнализации административных зданий соседних округов. По широким проспектам и узким улочкам, поднимая тонны пыли и прелых листьев, выбивая окна жилых зданий и панорамные витрины торговых корпусов, пронеслась тугая ударная волна, заставляя падать на землю всех, кто оказался на её пути. Вслед за этим высотка издала низкий утробный глас и завалилась на соседнее здание, лопнувшее от непредвиденной нагрузки от фундамента подземных этажей до середины конструкции. Несколько секунд она пыталась зацепиться за соседа крепкими выступами, но не выдержала собственного веса и осыпалась на землю громадным карточным домиком, перемальвая в труху собственные внутренности и попавшую под удар скромную обитель митрополита Гневия – церковь святого причастия. По улицам растеклась густая пыль, забивая собой выбитые окна и двери. Небо заволокло плотным облаком мелких частиц, ме-

шая светлому лику солнца нести тепло и радость каждому жителю злосчастного округа. Некогда мирному округу был нанесён чудовищный, по финансовым меркам, ущерб. Это не говоря о тысячах невинных граждан, ставших невольными жертвами в продуманном до секунды плане кровожадного полковника. В течение получаса к месту локальной катастрофы стекались отряды чистильщиков и служителей справедливости под предводительством отдельных групп инквизиционного корпуса. Теперь округ напоминал растревоженный улей смертельно опасных огненных шмелей, чей укус в девяноста случаях из ста приводил к летальному исходу, несмотря на заоблачный уровень медицинских технологий единственной на всей планете империи.

Старший апостол лично встречал четвёртую группу зачистки, возглавляемой приором Роландом. Позади него, в окружении механической армии загонщиков, резво бежавшей по мостовой, двигался бронированный грузовик с остатками одной из крупнейших группировок религиозных фундаменталистов, когда-либо попадавшихся инквизиторам в руки. Это был триумф силы и высшей справедливости, ниспосланной самим Господом Богом! По лицу апостола расплзлась довольная улыбка. Его преосвященство кардинал Клорад собственноручно пожаловал чин Доверенного заготовщика своему верному служителю, дававший ещё больше преимуществ перед рядовыми братьями особого корпуса. О каждом этапе операции апостол докладывал кардиналу

лично, не доверяя ближайшему окружению нести свет истины главе церкви. В иерархии инквизиторов чин Доверенного заготовщика значился особой строкой и давал власть над самим верховным епископом, приближая тем самым светлый миг посвящения в кардиналы. Кардинал Реций в скором времени ступит за грань, отделяющую мир живых от мира мёртвых, и округ опального вершителя судеб останется без должного присмотра. Не исключено, что после столь блестяще проведённой операции, его преосвященство поручит временный надсмотр Доверенному заготовщику. Со временем его преосвященство поймёт, что лучшей кандидатуры на роль нового кардинала ему не найти, и оставит старшего апостола на заслуженном месте на неопределённо долгий срок. А уж сколько привилегий можно было получить, заимев красную рясу! От радужной перспективы у апостола слегка закружилась голова. Владелец золотой пайцзы вдруг осознал, что в свете последних событий его лик должен выглядеть согласно будущей занимаемой должности и сбросил с лица довольный образ, приняв строгий вид всекарающего ока господня. Похоже, Его преосвященство предвидел каждый шаг трижды проклятого приора. Этому ублюдку мало того, что удалось схватить подлых еретиков полным составом, так ещё он умудрился не сдохнуть от шальной пули в то время, как вокруг него с каждой новой минутой множились трупы товарищей по защите интересов святой церкви. А апогеем его блистательного расследования стало

обнаружение планов радикально настроенных фундаменталистов, пожелавших превратить половину Поруса в груды дымящихся обломков. Исходя из всех фактов, проклятому приору придётся отдать место никчёмного аббата, труп которого сгорел в огне всеочищающего пламени совсем недавно. Тем более, Его преосвященство лично отдал приказ о назначении Роланда де Бриса аббатом осиротевшего округа. Чтобы подсластить собственную пилюлю, старший апостол решил до поры не выдавать приору приказ кардинала.

– Что ж! Посмотрим, что ты за птица. Поварись для начала в чане с дерьмо,. – пробурчал себе под нос инквизитор. – Сегодня тебе удалось взлететь высоко, а завтра я пристрелю и тебя. Дай только мне повод.

Роланд шёл навстречу застывшему гранитным изваянием носителю золотой пайцзы. Под взглядом старшего апостола ноги приора становились ватными, а сердце начинало выколачивать сумасшедшую дробь, грозя сбиться с ритма. Тем не менее, Роланд старался держаться уверенно. Если он хотя бы на секунду покажет страх или слабину, вряд ли ему дадут шанс умереть быстро. Мучения, которыми его подвергнут мясники из отдела дознания, могут растянуться на годы. До тех пор, пока не будет запротокколирован каждый вздох от начала рождения Роланда до конца его брэнного существования.

– Я благодарю всемогущего нашего Господа Бога за шанс оказаться полезным гражданам великой империи. К моему

великому сожалению, я не успел спасти невинно убиенных, – сказал приор, подойдя к инквизитору и склонив учтиво голову.

Воцарилась тягостная минута ожидания ответа. Роланд услышал, как скрипнули зубы апостола, выдавая его ярость.

– Тебе повезло, приор, – наконец удосужился он сказать. – Невероятно повезло. А что до убиенных? Туда им скатертью дорога! – апостол проявил на лице ядовитую ухмылку. – Их смерть была лишь вопросом времени. Половину сожгли бы на кострах. А так... без мучений и криков боли. Чистые земли страдают от переселения. Так что лучше в минус, чем в плюс.

– Как скажете, Ваше сиятельство. – Проговорил Роланд, не соглашаясь в душе с доводами инквизитора.

– Ты мне зубы не заговаривай, приор! – прикрикнул апостол, нервно теребя зажимы фатпарализатора.

Его нервозность заставляла Роланда мелко трястись. Однако, благодаря просторной рясе и поднявшемуся ветру, дрожь приора была незаметна.

– Окажись ты на моём месте, не показалось бы тебе подозрительным, что именно ты остался в живых? – инквизитор сузил глаза, всматриваясь в подчинённого.

– На всё воля Творца, а я слуга его верный, стоящий на страже спокойствия порядка и справедливости! – выпалил Роланд заученную фразу.

– Вряд ли Творец имеет отношение к тому, что здесь про-

исходит, – произнёс инквизитор загадочно. – До выяснения всех обстоятельств, приказом его преосвященства кардиналом Клорадом, на тебя возложена великая благодать. Ты назначаешься временным исполнителем обязанностей почившего аббата. Если твои слова подтвердятся, жди внеочередного повышения и особого внимания Его преосвященства к своей загадочной личности.

– Благодарю Его преосвященство и Ваше сиятельство за оказанное доверие! – выпалил поражённый новостью Роланд.

– Ну-ну! – Доверенный заготовщик окинул новоиспечённого аббата скептическим взглядом.

Во время следующего сеанса связи бывшего старшего апостола с кардиналом Клорадом, последний приказал свернуть блокаду округа, радуясь шикарному улову еретиков, так долго пивших кровь и служителей справедливости, и инквизиционного корпуса, и самого кардинала. Их последняя выходка обошлась святой церкви Поруса в триллионы кредитов налогоплательщиков. Прореживание «стада», пусть даже не руками инквизиторов, было проведено в отведённый срок и с минимальными затратами. А что до рухнувшей высоты? Его преосвященство, посредством несущих слова его, дал ясно понять жителям, что случившаяся беда стала карой небесной округу, пригревшему у себя на груди смертельно опасное гнездо религиозных фанатиков. И, дабы искупить сей грех потом и кровью, гражданам надлежало в кратчай-

шие сроки очистить захламлённую территорию от мусора собственноручно. Чтобы укрепить принятое решение твёрдой волей, кардинал Клорад приказал аббату Роланду организовать перепись оставшихся после чистки граждан империи, а двум отрядам инквизиторов провести надлежащий присмотр за исполнением его приказов.

– Все несогласные, либо уклоняющиеся, либо притворяющиеся больными или немощными, согласно воле святого синода сорока, будут показательно казнены на площади окружного отдела управления веры, – твердили громогласно все доступные каналы означенного округа. – Граждане империи, показавшие себя с наилучшей стороны, будут поощрены, от лица священного синода, освободившимися жилыми площадями и благодарственными записями в общей приходской книге. Все жители, оставшиеся без второй половины, под страхом наложения епитимьи должны явиться в приход по месту приписки и завизировать брак с новым гражданином империи. Оставшиеся без пары прихожане будут выселены из округа в неблагоприятные земли...

Теперь некогда опальный округ должен был дать ростки новообразованных ячеек общества с утроенной силой.

Под конец передачи воли священного синода перед, несомненно, благодарными зрителями появлялся глас Его преосвященства в лице Доверенного заготовщика с пламенной речью:

– Для всех нас события минувших дней стали трагичны-

ми. В устроенной еретиками бойне, многие из нас потеряли своих родных и близких. Но мы обязаны скинуть с себя скорбное покрывало и встретить трудности лицом к лицу. Выходите на улицы и приводите округ в надлежащий вид. Мы знаем, что гидра фанатично настроенных фундаменталистов ещё жива, и мы отсекали лишь одну конечность. Поэтому мы должны показать, что дух наш не сломлен и нам не страшны ни угрозы, ни действия с их стороны. Восстанем из пепла с ещё большей силой, подобно мифическому волю, сжигаемому в день солнцестояния, и возродимся вновь. Во имя святой церкви, во имя синода святых великомучеников, во имя самого будущего веры!!!

Глава 6. Тайные знамения

Маврию нездоровилось. Последние несколько дней после процедуры полного причастия он просыпался посреди ночи от собственного крика в липком холодном поту. Ему снилось, будто его разрубают на куски громадным, отточенным до бритвенной остроты, топором, заляпанным его собственной кровью. Палачей было трое и все с неизменно изувёрскими выражениями на лицах. Они по очереди брали топор в руки и отрубали от Маврия кусок за куском до тех пор, пока он не просыпался с жутким криком, разносившимся по дому, словно глас апокалипсиса. Мать, не спавшая уже несколько суток, спешила сыну на помощь, заключая в объятия младшее дитя и прося Господа Бога об избавлении от ночных кошмаров. Под утро утомлённый ночными видени-

ями юноша засыпал, давая и матери сомкнуть глаза на пару часов перед рассветом. Несмотря на усталый вид и ночные кошмары, в доме полным ходом шли приготовления к предстоящей свадьбе. Обе семьи, обрадовавшись возвращению молодого человека, поспешили в законном порядке заключить союз двух влюблённых сердец, пока благословение господне невидимым светом озаряло начало пути новой ячейки великой империи. От недосыпа у Маврия заострились черты лица, а под глазами проступили тёмные круги. Его движения стали дёрганными и резкими. Он мог долгое время сидеть в одиночестве, обхватив голову руками, и, уставившись в одну точку, мерно покачиваться. Облегчение наступало, когда Игнесса приходила его навещать. Поэтому мать стремилась к тому, чтобы будущая дочь оставалась с сыном, как можно дольше. К концу недели на щеках молодого человека заиграл румянец, и оба семейства решили, что пора бы уже узаконить долгожданные отношения. Молодые люди явились в церковь святого причастия, где Маврию совсем недавно посчастливилось пройти процедуру полного очищения от грехов, и, под бдительным присмотром митрополита, заполнили бланки заявления. После уплаты пошлины, сумму которой оба семейства собирали в течение полугода, был назначен день торжества.

Поскольку оба семейства не имели постороннего дохода в виде реализации продуктов интеллектуальной деятельности или ценных бумаг, доставшихся по наследству от предыду-

щих поколений, торжество решили сыграть по скромному, пригласив лишь близких родственников. Однако в планы семейств, с утра отправившихся к церкви святого причастия, вмешался злой рок, заставший их на пороге обители митрополита Гневия.

О блокаде округа, приглашённые на торжество, гости узнали во время свершения тайного обряда зачатия ячейки общества, где митрополиту должно было собственными глазами лицезреть следы прошедшего причастия на теле юноши, а девушку проверить на наличие девственной плевы. Для этого оба желающих составить новую семью должны были предстать перед святыми очами священнослужителя абсолютно нагими. Молодые люди, явно стесняясь своей наготы друг перед другом и перед священнослужителем, нерешительно топтались на месте, пытаясь прикрыть срам руками, и с тревогой поглядывая на стопку аккуратно сложенной одежды, в ожидании разрешения натянуть её на себя поскорее. Гневий же, по хозяйски окинув округлости будущих супругов, без какого-либо стеснения приблизился вплотную к юноше. Он возложил свои персты на свежие шрамы и, закатив глаза, начал нечленораздельно бормотать, поднимая свои ладони от коленей юноши до округлостей ягодиц. Рот его непроизвольно перекосился, а изо рта потянулась тягучая жирная слюна.

Чтобы не смотреть на это отвратительное зрелище, Маврий закрыл глаза. Ему на миг показалось, что совсем

недавно он видел этого жирного священника, пускающего слюну до его... Спины!?! Перед его глазами тут же материализовался ночной кошмар с дикими воплями и невыносимой болью. И этот жуткий священник, бормочущий неведомую бредятину, с довольной рожей, тыкающийся сзади... Липкие от крови пальцы, массирующие ягодицы, теребящие половой орган... И въедливый запах свернувшейся крови, в изобилии размазанной подошвами по сверкающему стерильной чистотой полу... Его, Маврия, руки, изуродованные затупившимся топором мясника... Воспоминания обрушились на юношу подобно многотонному водопаду, сметая со своего пути хрупкое сознание молодого человека.

Маврий, закатив глаза, медленно осел на пол, теряя сознание.

В грешный мир его вернули протестующие вскрики Игнессы, пытавшейся стряхнуть с себя многокилограммовую тушу заголившегося священнослужителя, пристроившегося поверх разведённых бёдер девушки. Её стоны были наполнены неподдельной болью. Из глаз лился неиссякаемый поток горьких слёз. Одной рукой она пыталась отпихнуть священнослужителя, тянувшего свои пухлые руки к упругой девичьей груди, а второй пыталась прикрыть ту самую часть тела, не дававшую священнику покоя. Однако мастерство, приобретённое в подобных процедурах с годами, смогло перебороть молодую неопытность. Защита девушки пала под тяжёлым натиском митрополита, сдав последний барьер. Гневий,

после нескольких фрикций, издал хрюкающий звук, притянул Игнессу за ягодицы к себе, напряг обрюзгшую задницу и тут же обессилело обмяк.

Маврий взирал на происходящее в полуобморочном состоянии, не зная, как стоило реагировать в подобной ситуации, когда его будущую жену оприходовал какой-то жирный ублюдок, пусть и носящий рясу священнослужителя, дающую неприкосновенность. Ведь ни отец, ни старшие братья в тайнодействие сочетания браком его не посвятили, сколько бы он у них не выпрашивал. Лишь старались перевести разговор на другую тему или стыдливо отводили взгляд. Теперь стало понятно почему. Но, в свете неожиданно появившихся воспоминаний, он знал, что будет делать далее. Он расскажет близким, каким пыткам его подвергали во время полного причастия души и тела. По какой причине на теле каждого мужчины появляются рубцы. Пусть они решают сами, продолжать с гордостью носить сей отличительный знак «настоящего мужчины» или сгореть от стыда, признав своё бессилие перед смертоносной машиной, перемальвающей в кровавый фарш судьбы людей.

Священник, довольно просияв ликом, натянул поверх одутловатой туши просторную рясу. Помог девушке, прячущей от Маврия залитое слезами лицо, подняться, протянув ей стопку одежды. Игнесса, как могла быстро, оделась, вытирая рукавом праздничного наряда припухшие глаза и стыдливо опустила взгляд, будто чувствуя свою вину. Маврий

молча оделся, не сводя взгляда с возлюбленной. Сердце его обливалось кровью, а в душе, затмевающим разум тёмным потоком, закипала ненависть ко всему окружающему миру.

– Теперь, дети мои, – воспел торжествующим голосом священник, в котором слышалась неподдельная гордость, – вы считаетесь настоящей ячейкой великой империи Агилары! Выйдите к родственникам своим и донесите до них радостную весть! – Игнесса повернулась к своему законному супругу и робко улыбнулась.

Двери алтаря с тихим шелестом разошлись в стороны. Маврий было набрался решительности рассказать о деяниях святых отцов всю неприглядную правду, но вместо сияющих радостью лиц родни, он наткнулся на встревоженные взгляды. Пока за алтарём проходило тайнодействие, призванное на веки вечные соединить два любящих сердца, в округ пожаловали «чистильщики душ», принеся с собой жестокость и необузданное желание пролить реки крови местных жителей.

Услышав перешёптывание испуганных прихожан, передававших из уст в уста «метку» особого инквизиционного корпуса, митрополит, согласно внутренней инструкции, предписанной самим синодом кардиналов, поспешил выставить молодожёнов, окружённых многочисленными родственниками, за дверь своей обители. Было слышно, как сработал скрытый механизм и поверх входной двери, предназначенной для встречи прихожан, опустился тяжёлый занавес

стальных щитов, отсекая мир святых от мира грешников.

Чуть вдалеке, где-то в квартале от начала парковой зоны, через мощные усилители загрохотал механический голос загонщика, приказывая всех празднующихся, оказавшихся в эту минуту вне границ собственного жилища, пройти к месту регистрации для выяснения обстоятельств и ожидания вынесения приговора. Вполне естественно, что граждане империи, не страдавая крайней степенью идиотизма, бежали прочь со всех ног от приближающегося с каждой минутой громopodobного гласа. Маврий затравленно оглянулся по сторонам, пытаясь определить направление наименьшего риска.

– Надо уходить! – практически выкрикнул он, наблюдая, как небольшая группа молодых людей пронеслась перед крыльцом церкви и скрылась в близлежащих зарослях. – Туда! – он ткнул в заросли.

Его отец, подчиняясь годами вбиваемому в подкорку сознания инстинкту, развернулся в сторону усиленного громкоговорителями голоса, предлагающего пройти процедуру идентификации личности.

– Маврий! – требовательно позвал он младшего сына. – А ну, пошли за мной!

Родня безоговорочно потянулась за главой семейства. Игнесса, влекомая матерью, отошла от супруга на несколько шагов. Она обернулась, набрав воздуха в лёгкие, чтобы позвать за собой молодого мужа, но остановилась на полусло-

ве. Совсем рядом раздался мощный взрыв. Маврию показалось, будто небо рухнуло на земную твердь, подломив своей тяжестью столпы мироздания. Земля вздыбилась разъярённым скакуном, бросив твёрдо стоящих секунду назад людей на колени, а вслед за этим по парку, ломая высокие деревья, словно сухие ветви, пронеслась упругая ударная волна, подминая под собой родню, оказавшуюся в этот момент на дорожке. Маврий увидел, как Игнессу, словно пушинку, легко подняло в воздух и с силой приложило о ствол растущего неподалёку дерева, размозжив мечте всей его жизни голову. Маврий, больно ударившись коленями о полированный гранит крыльца, будто в замедленной съёмке, ошеломлённо смотрел, как череп его возлюбленной треснул, выплёскивая наружу содержимое, а сама она, завязнув в воздухе, медленно упала на землю. Мир снова принял подобающую скорость. Громадный ствол дерева, потеряв где-то не менее громадные ветви, бешено вращаясь, пролетел перед его глазами, сметая собой большую часть родственников. А тех, кто остался в живых, унесло следующим потоком воздуха, напитанного пылью, мелкими камнями и всем, что смогла оторвать от земли чудовищная ударная волна.

От смерти Маврия спасло лишь то, что он остался стоять на пороге церкви, ведь взрыв произошёл позади неё. Она приняла на себя тот удар, который должен был поставить жирную точку в конце короткой жизни, не познавшего женской ласки, юноши. Он из последних сил подполз к металли-

ческой преграде и вжался в неё спиной, моля Господа Бога забрать его душу в мир мёртвых, где бы он смог встретиться со своей женой. Несколькими мгновениями позже он услышал ответ. Небеса вновь содрогнулись, издавая протяжный стон, и на церковь сверху рухнула громадная железобетонная плита, знаменуя собой чудо, дошедшей до ушей Господа, молитвы, минуя посредников в лице огромного сонма священнослужителей.

Двумя днями позднее

Временно исполняющий обязанности аббата, приор Роланд стоял перед огромным, во всю стену, панорамным окном, созерцая захватывающую дух картину сумеречного города с высоты птичьего полёта. Однако ни великолепный вид миллиона разгорающихся в темнеющих сумерках огней, ни постепенно погружающийся в ночную мглу Порус, ни шикарное, во всех смыслах, убранство «рабочего» кабинета высокого должностного лица – ничто не могло смахнуть печать глубокой задумчивости с чела приора, застрявшего, в прямом и переносном смысле, между небом и землёй.

– Сколько дней вам понадобится, чтобы полностью расчистить завал? – устало спросил Роланд вытянувшихся, как на приёме у Его преосвященства, десяти приоров округа, если можно было назвать равнением по стойке «смирно» выпяченные животы свиноподобных служителей справедливости, нарастивших свои утробы в денном и ночном бдении исполнений заповедей святого синода.

Аббата пошатывало от усталости, он стал более нетерпелив и резок в общении с подчинёнными. Оно и понятно, двое суток, проведённых без сна, не прошли бесследно. Это не считая времени, проведённого наедине с полковником, проверявшим самым изумительным способом прочность его нервной системы. К тому же, новый смотритель за округом, проявляя чудеса служебного рвения, держал исполняющего обязанности аббата в тонусе, подсылая в роскошные палаты через каждые два часа дознавателей из отдела «Божественной воли», которые в течение получаса задавали одни и те же вопросы относительно странных событий поимки представителей радикального сектора фундаменталистов. Что же пытались выяснить ищейки? Вполне вероятно, что они выискивали нестыковки в показаниях. Однако Роланд был тёртым калачом и все ответы на задаваемые вопросы выучил наизусть с первого раза. Но это им не мешало раз за разом приходить в кабинет аббата с педантичной пунктуальностью. По ним можно было сверять хронометр, заключённый в антрацитовую оправу из тёмного горного хрусталя и небрежно усыпанный драгоценными камнями разного размера, что создавало иллюзию разбросанных по небу звёзд.

– По предварительным оценкам, – начал самый храбрый из собравшихся, – на это уйдёт порядка двух недель.

– Почему так долго? – спросил задумчиво Роланд, разворачиваясь к говорившему.

Тот смущённо прочистил горло и ответил:

– Дело в том, что у нас не хватает рабочего ресурса. Строительные роботы, присланные из центра, обеспечивают, от силы, десятую часть необходимого количества рабочих рук. Жители напуганы недавним взрывом и сидят дома, запершись от слугителей справедливости на все замки.

– И это не удивительно, – усмехнулся Роланд. – Когда под вашим носом, словно у себя во дворе, свободно разгуливают отряды еретиков, решая, какой дом им стоит взорвать на этот раз, а вышеназванные вами слугители справедливости, словно подслеповатые, не видят дальше вытянутой руки, то по округу может без особого прикрытия проехать эшелон крупнотоннажных тягачей, гружённых самопальной взрывчаткой.

– Но, – замялся подчинённый, – согласно приказу Его сиятельства, все свободные от бдения слугители, направлены на устранение последствий чудовищной агрессии.

– Я это знаю! – бросил раздражённо Роланд. – Если ты в следующий раз откроешь пасть, для того, чтобы высказать общеизвестный факт, то отправишься на расчистку завалов лично!

Испуганный приор торопливо прикрыл рот и закрыл глаза, вытягиваясь ещё выше.

– В общем так! – Роланд ткнул пальцем в информационную скрижаль, отозвавшуюся мелодичным, приятным для слуха, перезвоном хрустальных колокольчиков. Перед его глазами развернулся чистый бланк официального приказа. –

Личным решением, под свою ответственность, приказываю снять занятых в расчистке служителей справедливости и отправить на поиски отлынивающих от общественно-полезных работ граждан империи. Пусть займутся тем, что им привычнее. Выламывайте двери квартир, взрывайте, что хотите делайте, но чтобы через шесть часов большая часть жителей округа таскала камни в грузовые контейнеры. Если, по прошествии отведённого времени, я не увижу результат, то можете рассчитывать на почётное место в крематории, которое я вам обеспечу. Исполнять!

Перепуганные насмерть приоры спешно покинули кабинет метавещающего глазами молнии приора Роланда, дабы не подвергать дополнительной опасности брэнное тело, выкаывая непозволительную расслабленность в столь суровых условиях. Полуаббат обессилено доплёл до роскошного трона, разукрашенного вычурными золотыми узорами, и грохнулся в донельзя удобное ложе, принявшее его тело с любовью и лаской. Он прикрыл глаза, пытаясь собрать воедино разбегающиеся в разные стороны мысли.

Информационная скрижаль вновь ожила, брэнча нестерпимо отвратительными колокольчиками, извещая, что поступил входящий вызов. Роланд, не глядя, ткнул пальцем в сенсор.

– Что ещё? – чуть ли не выкрикнул он.

– Не рановато ли ты, приор, перестал чувствовать горящую землю под ногами? – услышал он ядовитый голос Дове-

ренного заготовщика. Его статус, в отличие от исполняющего обязанности аббата, был одобрен кардиналом Клорадом лично в тот же момент, как появилось сообщение о поимке опасных преступников.

Хоть слова и были произнесены с некоторой ленцой в голосе, у Роланда по спине побежал ледяной холод. Он поспешно вскочил с трона.

– Нижайше прошу простить меня, Ваше сиятельство, – выпалил он, – больше такого не повториться.

– Буду надеяться, приор, – снисходительно проговорил Доверенный заготовщик, делая акцент на последнем слове. – Мне пришло извещение о твоём первом приказе. Вижу, тебе не терпится взять бразды правления в свои руки? Не рановато ли предпринимать решения, идущие в разрез с моим мнением, когда на шее болтается петля, а под тобой шатается приступка?

– Прошу прощения за самоуправство, Ваше сиятельство, – ответил Роланд, – но мы до сих пор вытаскиваем уцелевших граждан из завалов. Пусть соотношение живых к мертвецам один к тысяче, но нужно поторапливаться, чтобы хотя бы это соотношение сохранить! К тому же, запах гниющей плоти начал привлекать неисчислимые сонмы птицепадальщиков и миллиарды гнойных мух. На своих тельцах, эти создания дьявола, переносят заразу, которая может, в последствие, опустошить миллионные города. А это отразится не только на необходимой деятельности мегаполисов, но и

нанесёт непоправимый ущерб казне святой матери церкви, служение интересам которой я ставлю выше личного благополучия.

Лицо бывшего апостола пожевало губы, переваривая слова полуаббата.

– А ты не такой уж и тупой, каким кажешься на первый взгляд! – восхитился экс апостол. – Кто бы мог подумать?! Хорошо! Нам не нужна преждевременная жатва. Всё должно проходить, согласно плану, разработанному Его преосвященством, – согласился он. – Будем считать, что это предложение внёс я, – сказал он на прощание и отключился.

Роланд еле сдержал торжествующую улыбку. Это был первый шаг приора к облачению аббата и сопутствующим привилегиям. По мнению экс приора, кабинет аббата должен быть набитым подглядывающими устройствами, словно рождественский пирог сладкими свежими ягодами, поэтому здесь должно вести себя подобающим образом, дабы не навлечь беду одним неосторожным словом или необдуманном действием. Роланд искренне надеялся, что визиты дознавателей в скором времени прекратятся. В чём-то его надежды оправдались. Ему дали «передохнуть» четыре часа, после чего дверь кабинета распахнулась, являя взору Роланда четвёрку механических солдат под предводительством апостола корпуса «тьень».

– Приор Роланд да Брис, – обратился к нему человек, чьё лицо скрывала силовая маска со сложным меняющимся гео-

метрическим рисунком, от которого начинала кружиться голова. – Прошу проследовать за мной.

Апостол слегка качнул головой в сторону приора, и четвёрка загонщиков двинулась навстречу Роланду, «приглашая» его, тем самым, повиноваться «просьбе».

Месяц на должности исполняющего обязанности аббата, плавно перетёкшей в настоящую должность, прошёл практически незаметно. Всему виной оказалась полная загруженность рабочего графика, увеличившегося со стандартных четырёх часов неусыпного бдения за порядком в округе до шестнадцати. Однако сей факт новоиспечённого аббата не напрягал. Роланду до этого приходилось и вовсе торчать на рабочем месте сутками напролёт, так что послабление на восемь часов личного времени скорее радовали, чем огорчали. Жизнь в округе начала входить в спокойное русло. Усилиями безответственных граждан республики, которых приходилось, в буквальном смысле, выковыривать из собственных жилищ под страхом немедленной расправы, грандиозный курган, ставший братской могилой для более, чем тридцати тысяч жителей рухнувшей высотки, был разобран по камешку и вывезен на заражённые территории вместе с останками погибших.

Ведомство управления веры посчитало излишним финансирование опознания трупов посредством сравнительного анализа данных приходских архивов с биометрической вы-

кладкой найденных останков. Тем более, что большая часть трупов либо была перемолота в фарш, либо разодрана на множество мелких частей, либо начала интенсивное разложение в климате субтропического пояса. Воздух над руинами был настолько насыщен удушливыми продуктами гниения органики, что любое дуновение ветра в направлении окружающих кварталов заставляло жителей спальных районов спасаться от окутывавшего смрада бегством.

Удивительно, но под многомиллионнотонной грудой железа и бетона «добровольцы» обнаружили полуживого юношу, впавшего в кому от недельного обезвоживания. Его нашли случайно, исследуя автоматизированным дроном просторный карман, получившийся в результате падения части несущей стены конструкции на церковь святого причастия, оставшейся частично уцелевшей. Сначала спасатели подумали, что наткнулись на очередной из многочисленных трупов, но на теле юноши следов разложения не обнаружилось, а при дальнейших пробах, взятых всё тем же дроном, который должен был заложить заряд, выяснилось, что парень жив, хотя и не реагирует на стандартные раздражители. Было ли это счастливой случайностью или на то было провидение Господне, ни спасатели, ни медики однозначно ответить не могли, но то, что у парня очень сильный ангел хранитель, было понятно без слов каждому из них. Чтобы добраться до потерпевшего, у спасателей ушло чуть менее суток и счастливчик, провалявшись следующие сутки в одном

из медицинских центров физической реабилитации, вернулся к жизни. Спустя час после прихода в сознание, он попытался покончить жизнь самоубийством, разобрав подающую напряжение линию и сунув оголённый провод в рот. Однако, в этот момент на понижающей электричество станции произошёл сбой, и сеть была обесточена. Подоспевшие врачи быстро скрутили суицидника и всучили непогашенный кредит за спасение жизни, который тот был вынужден подписать и уплатить в течение полугода. Маврия, как выяснилось позже его имя, спеленали по рукам и ногам и отправили в центр выправления психологических отклонений, где, по прошествии недели, ему всучили второй счёт за оказанные услуги и отправили восвояси.

Следующей удивительной находкой оказался священнослужитель церкви святого причастия, на ступенях которой нашли Маврия. Тот, в отличие от первого, нуждался только в хорошей прочистке крови от токсинов алкоголя, скопившихся за неделю беспробудного запоя. Из отчёта одного из дознавателей, проводивших душеспасительную беседу с вернувшимся в реальный мир священнослужителем, было ясно, что митрополит, испытывая суеверный страх перед чистилищем, с последующим появлением пред светлыми очами Господа, предпочёл оставшееся до смерти время провести в увеселении брэнного тела. Оказалось, что после объявления блокады округа, он, педантично следуя каждой букве инструкции во время зачистки, заблокировал двери и окна

церкви бронированными щитами, один из которых в последствии спас жизнь Маврия, приняв на себя удар отколовшейся стены и всю тяжесть железобетонного кургана, и преспокойно заперся в подвальном бункере церкви, рассчитанном на автономное проживание трёх человек в течение месяца. Причём два других места были предусмотрены для юных послушниц, коих в этот момент в церкви не оказалось, поскольку в это время у митрополита было назначено таинство соединения двух любящих сердец, и в лишних глазах не нуждалось. Здесь его и обнаружили мертвецки пьяным инквизиторы особого корпуса, вскрывшие бункер для проверки сохранности приходских данных, необходимых для выявления живых по спискам.

Они были единственными людьми среди всех выживших во время страшной катастрофы, не получивших ни единой царапины и отделавшихся, по словам всеведущих репортёров, лёгким испугом, и стали настоящим символом стойкости перед грозным лицом подлых религиозных фанатиков. Их лица с лихорадочной скоростью стали мелькать по всем новостным каналам. А независимые папарацци с педантичностью глистов готовы были перевероршить и попробовать на вкус любое дерьмо из их жизни. Постепенно внимание прессы переключилось на митрополита Гневия, который во множественных интервью представителям газет и телеканалов рассказывал о том, как мужественно проводил одиночество в молитвах о спасении душ людских, поскольку пребы-

вал в уверенности, что пробил час вселенского апокалипсиса, предвещенного самим Господом Богом. В скором времени физиономия юноши, ничем особо в этой жизни не отличившимся, исчезла со всех голографических проекторов, а его история была вытеснена из сознания граждан речами более общественного лица, восхвалявшего идеи святой церкви и доказавшего своим чудесным спасением справедливость уклада существующего общества.

На месте бывших руин началось возведение нового здания, более устойчивого к нежелательным воздействиям, как со стороны природы, так и со стороны лиц, вынашивающих в своих головах тёмные мысли об уничтожении всего живого. И всё бы ничего. Однако, к концу четвёртой недели после «чёрного утра», как его окрестили словоохотливые репортёры, этот же округ потрясла самая кощунственная выходка еретиков, на которую они были только способны. Граждане империи, пришедшие в погожее воскресное утро к крыльцу церкви святого причастия, заканчивающей восстановительные работы после обрушения, обнаружили на резных дверях из чёрного дерева, полученных в дар от самого кардинала Клорада, изуродованный труп митрополита Гневия, ожидавший свою многочисленную паству с середины предыдущей ночи. Жестокое убийство всколыхнуло в высших эшелонах власти волну недовольства, откатившуюся до секторных отделов служителей справедливости, и вызвало новый интерес инквизиционного корпуса к происшествиям месяч-

ной давности.

– Чёрт тебя подери, де Брис, какого хрена опять твориться в твоём округе? – яростно выкрикнула голограмма верховного епископа, когда Роланд ответил на требовательную трель входящего вызова.

Он аккуратно вытянул руку из под головы Грейс, захватившей её в плен после бурно проведённой ночи с любимым. Полковник сдержал данное обещание. В скором времени после назначения Роланда исполняющим обязанности аббата, ему передали координаты местоположения Грейс. Спустя неделю после получения оных Роланд смог навестить женщину, которую не смог позабыть до сих пор. После инцидента с грехопадением, получившим широкую огласку в рядах наставников семинарии, её перевели в один из отдалённых монастырей Поруса на должность младшей игуменьи, где она принесла клятву верности и отреклась от общения с лицами противоположного пола, став названной невестой божьего отпрыска. Там бы и закончился её жизненный путь. Но в дело вмешалось провидение. От серых будней, из-за своего однообразия превратившихся в один нескончаемый пасмурный день, её спас тот же самый мужчина, из-за связи с которым она была обречена до конца своей жизни оставаться нетронутой. Чтобы вытащить возлюбленную из застенков монастыря, Роланд обратился за помощью к верховному епископу, который, после некоторых раздумий, со-

гласился оказать посильное влияние в решении любовной проблемы. План, предложенный им, новоиспечённый аббат смог бы проверить и сам, но для этого ему не хватало банального знания границ приобретённой власти. В монастырь пришёл запрос на посещение определённым лицом окружного отдела управления веры. Поскольку страсти вокруг событий, произошедших в округе, ещё не улеглись, заговорщикам не составило особого труда инсценировать нападение на транспорт, списав это деяние на потерявших всякую совесть еретиков, пожелавших таким паскудным образом отомстить святой церкви за поимку собратьев по взглядам. Имя ехавшей в транспорте монахини внесли в список погибших. Несколько умелых манипуляций с данными архивов и на свет божий явился новый человек в старом обликии. Так невеста Господа Бога была избавлена от пожизненного обета верности, получив новое имя в миру Грейсильда. Если не считать подделку биометрических данных, закон нарушен не был. Операция по замене личности прошла с наибольшей эффективностью при привлечении минимального объёма административного ресурса. Теперь Роланд был на крючке его преосвященства до конца жизни. Однако сей факт его нисколько не расстраивал, а даже наоборот вселял новые надежды. Чем больше тёмных делишек они прокрутят вместе, тем теснее будет их незримая связь, что на языке обычного человека означало – куда ты, туда и я.

– Простите, Ваше сиятельство, – ответил аббат сонным

голосом, – но сегодня воскресенье – выходной день. А что, собственно, случилось? – спросил он недоумевая.

– Это я должен у тебя спрашивать «что случилось?», – взревела голограмма голосом верховного архиепископа, – ленивый ты ублюдок! Живо вытряхивайся из квартиры и чтобы через пять минут я лицезрел тебя у дверей церкви святого причастия в парке сорока апостолов! – связь резко оборвалась.

Роланд мигом вскочил с кровати. Если сам верховный прибыл на разбор полётов, то произошло нечто очень и очень дерьмовое. И вонищи на весь Порус тут точно не избежать.

– Твою-то мать! – в сердцах выругался аббат, натягивая рабочую рясу.

Грейсильда томно потянулась под тонким покрывалом, плотно обтянувшим потрясающую фигуру бывшей монахини, навёрстывающей годы воздержания. Она приоткрыла подёрнутые лёгкой пеленой эйфории глаза.

– Куда ты собрался? Сегодня же выходной, – произнесла она капризным голосом.

– Извини! – Роланд быстро чмокнул её в губы, припухшие от ночных поцелуев. – Нужно срочно бежать. Кажется, у нас разверзлись адские врата.

– Твою-то мать! – снова повторил аббат, севшим голосом, увидев распятый на створках дверей выпотрошенный труп.

Митрополит Гневий с содранной кожей и собственным детородным органом во рту взирал на мир опустевшими глазницами проломленного в темени черепа. Его сизые внутренности, облепленные вездесущими мухами, были разбросаны на крыльце и внутри здания, а участок мрамора под ним был залит побагровевшей кровью. Его убийца очень постарался, вложив в свой обряд максимум жестокости.

Судя по безоблачному небу и пустившим по земле длинные тени высоткам, день обещал быть невыносимо жарким. Несмотря на ранний час, вокруг здания церкви собралась приличная толпа зевак, безостановочно гомонивших за живым кордоном служителей справедливости, оцепивших место преступления.

– А-а-а, явился? – услышал Роланд знакомый голос, разьедающий содержащейся в нём концентрацией яда само пространство. – Как тебе нравится вот это? – верховный епископ, стоя у входа в церковь, ткнул пальцем в сторону мёртвого митрополита.

Роланд сглотнул ставшую горькой слюну. Вряд ли он знал хотя бы одного человека, который, глядя на столь искусно изуродованный труп, мог испытывать эстетическое наслаждение.

– А мне даже очень! – продолжил верховный, не дождав-шись ответа. – Я вижу здесь столько страсти и неординарного мышления, что готов пожать засранцу руку, если бы он устроил свою выставку в каком-нибудь другом месте. Ты

только посмотри, с каким вдохновением с него содрана кожа! – восхитился он. – Только несколько неглубоких надрезов, чтобы схватиться за край. Остальное сделано руками! А его кишки? Ты видел? Их вырезали по частям и разбрасывали в разные стороны не менее получаса!

Роланд медленно, прикрыв рот рукавом, приблизился к трупу.

– О чём тебе это говорит? – спросил его архиепископ.

– Не могу знать, Ваше сиятельство, – честно признался он.

– А мне говорит о многом! – рявкнул бывший инквизитор, метнув в Роланда ненавистный взгляд. – И, в частности, о том, что ты ни хрена не делаешь! Всё к чему ты прикасаешься или находишься рядом, пропитывается скверной! С момента твоего рождения за тобой тянется огромный шлейф из дерьма и трупов, а ты всё никак не можешь захлебнуться в своих же испражнениях, выныривая на поверхность снова и снова, чтобы трупов становилось ещё больше!

– Я не совсем понимаю, о чём вы говорите, – оторопел Роланд.

– Не переживай, – голос верховного епископа вновь наполнился ядом, – скоро ты обо всём узнаешь. Убери это дерьмо отсюда и найди убийцу, – потребовал он жёстким, как сталь, голосом, развернувшись на месте и быстро зашагав к «церберу».

Роланд оглянулся по сторонам в поисках ответственного за участок приора. Тот негромко разговаривал о чём-то

с экспертом, увлечённо возившимся в разбросанных повсюду внутренностях. Подойдя к нему вплотную, он потребовал выяснить в кратчайшие сроки, чьих рук это святотатство.

– И разгоните зевак! – потребовал он на прощанье, отправляясь на рабочее место.

Стоило в срочном порядке связаться с полковником и выяснить, какого чёрта он решил разворошить осиное гнездо своими действиями, когда пристальное внимание инквизиционного корпуса только сошло на нет. И какой вообще был смысл убивать какого-то там митрополита, тем более таким извращённым способом?

От толпы, окружившей плотным кольцом место преступления, отделилась мужская фигура и двинулась прогулочным шагом в сторону опустевших наполовину спальных кварталов. День обещал быть отличным, что, несомненно, поможет досконально продумать план следующего жертвоприношения.